

The background of the book cover is a photograph showing the green, leafy branches of a tree in the foreground, partially obscuring a light-colored, multi-story building with windows in the background. The entire cover is framed by a thick orange border.

ЛЕВ ЛОГАК

**ОТ ПЕРЕМЕНЫ
МЕСТ...
МЕНЯЕТСЯ**

из жизни эмигрантов

Лев Логак

**От перемены мест... меняется.
Из жизни эмигрантов**

«Летний сад»

2021

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 644

Логак Л.

От перемены мест... меняется. Из жизни эмигрантов / Л. Логак —
«Летний сад», 2021

ISBN 978-5-98856-449-2

Герои повествования – бывшие россияне, покинувшие Советский Союз незадолго до его распада, в конце восьмидесятых годов двадцатого века. Место действия – дальнее зарубежье. Совершенно неожиданно персонажам открываются обстоятельства, которые были скрыты от них долгие годы и которые коренным образом меняют существование этих людей. Загадочные коллизии, в которые попадают герои, показаны на фоне характерных эмигрантских и российских реалий. В основе повествования лежит идея воздействия жизненных ситуаций на раскрытие личности, на проявление противоборствующих человеческих качеств – любви и предательства, душевной доброты и зависти. Повествование основано на богатых жизненных наблюдениях и впечатлениях автора. Детали сюжетных ходов и характеры героев навеяны реальными событиями и чертами конкретных людей.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 644

ISBN 978-5-98856-449-2

© Логак Л., 2021
© Летний сад, 2021

Содержание

К читателю	6
1	7
2	18
3	39
4	54
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Лев Логак
От перемены мест...меняется.
Из жизни эмигрантов

© Логак Л. Г., 2021

К читателю

Автор предлагает читателю повествование об эмигрантском житье-бытье. Герои – бывшие россияне. Покинули Советский Союз незадолго до его распада, в конце восьмидесятых годов двадцатого века. А предстают перед нами в самом начале двадцать первого. Далеко-далеко от России. Где у них теперь Дом. И образно и буквально. Свой Дом Далеко От Дома.

Дом в прямом смысле населен как коренными, так и новыми гражданами страны. Быт у всех новоприбывших почти одинаковый. В похожих квартирах похожие предметы, доставленные из Союза, соседствуют с приобретёнными уже здесь вещами. Книг – уйма. На русском. И речь звучит только русская. И телевидение привычное. Как будто бы и не уезжали!

Только вот по-разному решаются у них однотипные проблемы, порождённые сложностьюживания в необычную для них среду.

А каждую семью настигают ещё и личные неурядицы, подчас более напряжённые и острые, чем трудности, связанные с добыванием средств к существованию. Почти все они становятся участниками драматических перипетий, вызванных раскрытием застарелых тайн, которые они притащили с собой и которые оказались для них грузом более тяжёлым, чем с неимоверным трудом отправленный багаж.

В книге звучат голоса самых разных персонажей, в которых воплощены черты времени. Времени, когда эти люди покидали родину, и времени начала их существования в эмиграции. Конкретное, разрозненное включается в систему, выстраивается в целостную картину, так что действующие лица в своём единстве и в своей несхожести составляют срез определённого слоя общества на этапе конца двадцатого – начала двадцать первого века.

1

Поездка у них прошла нормально. Самолёты взлетели и приземлились без проблем. Не приключилось ничего непредвиденного – не оказалось террористов на борту, багаж не пропал, здоровье не подвело, так что и не понадобилось пользоваться оформленной ими страховкой. И, как это и бывает в случае благополучного исхода, подаренное везение было воспринято ими как должное.

Майя, Эдуард и их дочь Ольга прибыли из России, где побывали впервые за более чем десять лет после того, как её покинули. Покинули – незадолго до распада Советского Союза, в самом начале девяностых годов двадцатого века, а вот наведались – на заре века двадцать первого.

Сегодня они возвратились в Свой Дом Далеко От Дома, как обобщённо охарактеризовали их нынешнюю страну проживания и их теперешнее трёхкомнатное жилище родители Майи, к которым они и ездили.

Эдуард, или Эдик, как звали его близкие, отворил дверь квартиры и пропустил вперёд жену и дочь. Все трое молча постояли в прихожей, осмотрелись, прошли в гостиную и устало присели кто куда.

– Ну, вот и дома! – выдохнул Эдуард. – Хотя Питер – и родина, а дом уже здесь. Далеко-далеко от России.

– А обо мне и говорить нечего. Вросла корнями, – поднялась, посмотрелась в зеркало, прошла в свою комнату и затворила дверь Ольга.

Внезапно она появилась снова, явно чем-то встревоженная, и стала торопливо собираться.

– Оленька, что с тобой? – перепугалась мать.

– У Мара умер отец, – не могла сдержать слёз дочь. – Его уже похоронили. Я же, когда звонила ему из России, поняла, что что-то неладно. Но он отрицал. Не хотел омрачать мне поездку.

Мар был парнем Ольги, с которым она встречалась в последнее время. Майя и Эдуард его никогда не видели, а дочь на вопросы родителей об ухажёре отвечала скупой. Когда они поинтересовались, что это за имя такое – Мар, Ольга мимикой изобразила недоумение непонятливостью отца и матери и со спокойной категоричностью произнесла: «Мар! Такое у него имя!» Мол, что же тут неясного! Но, желая как-то сгладить возникшее напряжение, лаконично сообщила, что у них всё серьёзно, что он несколько старше неё и что тоже учится в университете, но не на медицинском, как она, факультете, а на мехмате. На предложение родителей пригласить его домой Ольга ответила отказом и сказала, что достаточно того, что он нравится ей. И, помолчав, добавила, что он и им понравился бы – высокий, красивый, талантливый и из хорошей интеллигентной семьи. Дескать, волноваться не стоит. Майя и Эдуард всё это проглотили и больше дочери не докучали, хотя, конечно же, туманность происходящего рождала в них беспокойство.

Услышав сейчас о смерти отца парня дочери, Майя и Эдуард оторопели.

– Оленька, он поступил как настоящий мужчина, – придя в себя, попыталась успокоить Ольгу мать. – Ты ведь действительно ничего не смогла бы предпринять.

– Я убегая, – бросила дочь, направляясь к выходу. – Марику очень тяжело. Я вызвала такси.

Дверь захлопнулась.

– Марику! – тяжело вздохнула Майя.

На лице у неё застыла задумчивость, она какое-то время молчала, а потом тихо вымолвила:

– Хорошая у нас девочка...

– Да, – согласно кивнул Эдуард. – И, похоже, влюблена в этого Марика. Какое у него несчастье! Ведь отец же, наверняка, был совсем не старый.

– Но мы-то с тобой! Дочь встречается с парнем, а мы о нём ничего не знаем, – нахмурилась Майя.

– На откровенность её вызвать трудно, самостоятельная она у нас, – передёрнул плечом Эдуард. – Но кое-что всё-таки нам известно, – с чуть заметным грустным лукавством вопросительно улыбнулся он. – То, что он тоже учится в университете и чуть старше Оли...

– Исчерпывающая информация, – бросила на мужа недовольный взгляд Майя. – И ведь когда я недавно спросила, знает ли она, что у него за семья, она мне запальчиво ответила, что это не суть важно. Что главное те чувства, которые испытывают люди. Чувства, видите ли!

– Мы не должны вмешиваться, – робко взглянул на жену Эдуард. – Вспомни, как нам претила родительская опека...

– А если у них уже зашло далеко? – потемнела лицом Майя. – Господи, я нутром чувствую, что так оно и есть! А мы о нём ни сном ни духом! Не влипла бы!

– Майечка, не стущай краски. Я уверен, всё будет хорошо. Ну, встречается девушка с парнем, увлечена. Что здесь плохого?

Эдуард приобнял жену и направился к телефону.

– Так, что тут у нас с сообщениями? – снял он трубку. – Наверное, накопились за эти две недели.

Он какое-то время слушал и вдруг оцепенел.

– Что такое? – обеспокоилась Майя.

Ответом было молчание.

– Ну, говори же!

– Ты даже представить себе не можешь, кто позвонил, – почти шёпотом выдавил из себя Эдуард. – Это Вера...

– Что-о-о? – застыла Майя.

Они давно уже не знали с Верой и её мужем Петром. И возникла эта отчуждённость ещё в Союзе, а продолжилась уже здесь. Так что Верин звонок мог означать только одно: произошло что-то чрезвычайное.

– Петя умер... – растерянно уставился на жену Эдуард.

Майя побледнела, тяжело задышала, на лице у неё выступили капельки холодного пота. Она схватилась за висок и отвела взгляд от Эдуарда. Моментально соотнеса два свалившихся на них известия, она поняла, что Олин парень Мар – это сын Петра и Веры, Марат! Ужас охватил её, ибо то, что ей открылось, могло в корне, бесповоротно осложнить её дальнейшее существование. И в голове у неё остро, тяжело запульсировало уразумение того, что ей никоим образом нельзя обсуждать сейчас возникшую ситуацию с мужем! Ведь тогда стремительно распутался бы клубок, который она так долго и тщательно держала в прочно скреплённом состоянии.

Эдуард же настолько был ошарашен смертью Петра, что и не сосредоточился на связи двух полученных вестей. И смятенная реакция Майи показалась ему полностью соответствующей моменту.

Супруги молчали. Перед их мысленным взором проносились воспоминания о том времени, когда всё переплелось в отношениях этой четвёрки – Майя, Вера, Пётр, Эдуард...

В студенческие годы Петя и Эдик крепко дружили, были, что называется, не разлей вода. Да и Майя с Верой были близкими подругами. Парни учились в университете на физфаке, а девушки – в педагогическом институте на инязе. И вот однажды студенты физфака были приглашены руководством пединститута на вечер. Так тогда водилось в советской системе высшего образования – спаять и сцементировать: это был один из пунктов плана мероприятий по

министерству. И Пётр уговорил Эдуарда пойти! Тогда-то и произошло их знакомство с подругами. И между Петром и Верой вспыхнуло чувство! С того инязовского вечера они ушли вместе, и начался у них роман!

Но вот незадача: Эдуарду тоже приглянулась Вера! И после того, как она удалилась с Петром, он, конечно же, пошёл провожать Майю, но мысли его были далеко, и оба они испытывали неловкость. Потом они недолго встречались, и между ними даже возникла близость, но Майя понимала, что Эдик к ней равнодушен, и сама стала инициатором прекращения отношений. При этом она не чувствовала ни огорчения, ни обиды, ни унижения. И даже ощутила облегчение. Потому что, как и её подруга Вера, потеряла голову от Петра! Ей нужен был только он, он, он – и никто другой!

Эдуард старался никоим образом не показывать, что в нём поселилось огромное, всепоглощающее чувство к Вере. Потому что очень дорожил дружбой с Петром и даже не помышлял о том, чтобы разрушить возникшую идиллию. А вот Майя давала понять Пете, что сохнет по нему, но он не отвечал ей взаимностью. Был страстно влюблён в её подругу. Это Майю жутко злило и было для неё как плевков в душу. Потому что привыкла она к тому, что внешняя изысканность в сочетании с независимым гордым видом всегда притягивала к ней внимание представителей мужского пола! А порой она столбенела от мысли, что вот Эдуард-то, как и Пётр, тоже к ней равнодушен, а её это не трогает! И это ещё более толкало её к Петру.

Но наибольшее уязвление, подавленность и даже душевный кризис Майя испытала в тот период, когда Вера и Пётр поссорились и на какое-то время расстались. Она начала предпринимать нечеловеческие усилия к сближению с Петром, но всё было тщетно. Да к тому же ещё Эдуард добился того, что на какое-то время Вера сошлась с ним! Майя тогда была в полном отчаянии, замкнулась и перестала знать с подругой. А та была с Эдиком совсем не долго, да и то потому, что он окружил её заботой и помог не сойти с ума, когда она вынуждена была отдалиться от Пети, которого продолжала безумно любить. Никто из знавших их не мог тогда объяснить происходящего, тем более что в конце концов Пётр и Вера преодолели кризис и поженились. Майя же, обладая крепким, завоевательским характером, смирилась с данностью, взяла себя в руки и, что называется, охмутаив Эдуарда, склонила его к браку с ней. Ни о какой любви, конечно же, речи не было, но она понимала, что было бы ошибкой упустить такого симпатичного и надёжного парня.

А он уступил натиску Майи, в свою очередь уразумев, что шансов быть с Верой у него нет!

Так и закончилась дружба Петра с Эдуардом и Майи с Верой. И возникли две семьи – Пётр с Верой и Эдуард с Майей. А после всего произошедшего пары эти практически не общались. Ни в Союзе, ни после того, как его покинули. Правда, в России Эдуард изредка перезванивался с Петром и попросил его как уезжавшего первым сообщить письмом по приезде свои координаты. И так получилось, что оказались они в одном городе. За всё это время мужчины раза два коротко, не вдаваясь в подробности, переговорили по телефону, да и только. Майя и Вера же здесь вообще не знали.

Эдуарду и Вере возникшая между двумя семьями отчуждённость представлялась совершенно естественным явлением. А вот Майя и Пётр настойчиво противились контактам между домами. Потому как оказались повязанными тайной, до которой ни в коем случае не должны были дознаться ни Эдуард, ни Вера.

А история была такова, что когда Майя и Эдуард поженились, у них достаточно долго не получалось завести ребёнка. Они прошли все медицинские проверки, и выяснилось, что причина – в Эдуарде. В первый момент Майя испытала потрясение, узнав, что он бесплоден! А поразмыслив, скрыла от него заключение врачей. Потому что загорелась идеей родить от Петра! Ведь у неё не было никаких сомнений в том, что муж её с его самолюбием и мысли бы не допустил об усыновлении. Да и сам Эдуард дал ей повод утвердиться в принятом ею

решении. Поскольку даже не попросил показать ему вердикт медиков. Поверил на слово, что в невозможности иметь детей виновна только Майя. И она упрямо приступила к воплощению своей задумки, расценив бесплодие Эдуарда как посланное ей предначертание родить от горячо любимого человека. «Это перст судьбы», – говорила она себе, оправдывая грех, которому собиралась предаться.

И склонила-таки Петра к «донорской», как она это определила, близости.

Когда она обратилась к нему с просьбой стать отцом её ребёнка, он, выйдя из состояния остоленения, ответил категорическим отказом. А она не давала ему покоя, упорствовала, требовала, говорила, что если этого не произойдёт, она сведёт счёты с жизнью, и это будет на его совести. И он, к её удивлению, в какой-то момент сдался, и у них состоялась однократная, успешная в плане зачатия связь. И от этого соития появилась Ольга! Девочка красивая и смышлённая! В которой Эдуард души не чаял! Да и как могло быть иначе?! Ведь что касается того, что он – отец Ольги, так в этом у него совершенно не возникало сомнений! Потому что он вовсе и не подозревал жену в изменах, а вернее – просто никогда не задумывался о том, что такое возможно! К тому же, он был убеждён, что дочь была на него похожа! Да и все, знавшие их семью, отмечали это и не уставали повторять, что Оля взяла от Эдика и Майи всё самое лучшее!

И вот сейчас, повергнутая известием о кончине Петра в оцепенение и погружённая в свои мысли, Майя не могла произнести ни слова. Она пребывала в кресле, сомкнув глаза и до боли сцепив руки. Эдуард тоже продолжал молчать, опустив голову и нервно постукивая пальцами по спинке стула, возле которого стоял.

Наконец он первым нарушил молчание. Растерянно посмотрел на жену и опустошённо произнёс:

– Вера сказала, что обзванивала близких и знакомых и думает, что сделала правильно, известив и нас...

Майя не мигая воззрилась на Эдуарда. Он попытался ещё что-то сказать, но осёкся под взглядом жены. И его как ошпарило! Как же он сразу не связал эти два известия – о кончине отца Олиного парня Мара и о смерти Петра? Эдуард окаменел, тяжело задышал и еле слышно выдал из себя:

– Мар... Петин с Верой сын... Марат...

Майя отвела глаза и до боли прикусила губы. А Эдуард обессиленно опустился на стул. И больше не мог вымолвить ни слова. Потому что все эти годы тоже хранил тайну! Он был убеждён, что отец Марата – он, а вовсе не Пётр! И уверенность эта появилась у него после его связи с Верой, которая произошла в студенческие годы, после её ссоры с Петром. Она тогда, оставаясь во власти всепоглощающего чувства к Петру, становилась всё более подавленной в присутствии Эдуарда, и он решился спросить, не гнетёт ли её скрываемая от него беременность. И когда после этого Вера остановила на нём долгий тяжёлый взгляд, ему показалось, что он попал в точку. На последовавший после этого её вопрос: «С чего ты взял?» Эдуард промычал, что её удручённое состояние и появившаяся на лице бледность заставляют его так думать. На что Вера раздражённо среагировала: «А ты, что – врач? Гинеколог?» Спустя короткое время после этого их разговора Пётр, по-прежнему обуреваемый глубоким чувством к Вере, пал перед ней на колени и умолил её выйти за него замуж. И когда совсем скоро у них появился ребёнок, Эдуардом овладела уверенность в том, что это его сын. Но с Верой он это не выяснял в силу своей деликатности и нежелания вмешиваться в её с Петром жизнь.

И вот сейчас Майя и Эдуард уstraшилиcь одного и того же – интима между единокровными братом и сестрой. Только ирония, если не сказать – водевильность, ситуации заключалась в том, что Майя опасалась связи Ольги и Марата как отпрысков Петра, а Эдуард – как своих кровных детей!

Не в силах произнести ни слова, супруги наконец растерянно уставились друг на друга. В голове у них проносились схожие мрачные мысли. Они корили себя за наплевательское отношение к увлечению дочери, задавались вопросом, далеко ли зашло у неё с Маратом, и ужасались от понимания того, что единственный путь выйти из свалившейся на них кошмарной ситуации – это обнажить правду!

Эдуард, первым не выдержав испытующего взгляда жены, сгорбился на стуле и уставился в пол. Он был обуреваем навязчивой думой о том, что перед тем, как сделать признание Майе, ему прежде придётся всё же каким-то образом переговорить с Верой.

Майя же выпрямилась в кресле, впредовалась в его спинку и смотрела не мигая поверх мужа. Потому что понимала, что сообщи она сейчас Эдуарду о том, что Ольга не его дочь – и в момент будет разрушена её благополучная семейная жизнь. Жизнь, построенная на обмане. А ведь так долго всё это длилось, что она уверовала в невозможность того, что когда-то её секрет раскроется. До того уверовала, что даже порой в досужих разговорах назидательно произносила банальную фразу о том, что всё тайное обязательно становится явным.

Постепенно к Майе стало возвращаться самообладание. Она даже вдруг подумала, что вот ведь настигла её ситуация, затасканная в телевизионных сериалах! А истории эти своими избитыми сюжетными ходами вызывали у неё такое раздражение, что она подчас сердито вырубала телевизор. Но сейчас-то это была не сериальная байка, это случилось с ней! И тут она хмуро усмехнулась про себя тому, что в мыльных операх этих проблема, как правило, ещё и благополучно разрешается, ибо под конец выясняется, что в действительности-то никакого кровного родства между влюблёнными и не было вовсе! «Но это не наш случай», – обречённо вынесла она мысленный приговор по этому делу.

Но ведь и Эдуарду пришла в голову мысль о сериальной интриге! «Сюжетик-то прямо из ящика», – мрачно подумал он. Только вот ведь, не зная о своём бесплодии, он считал возможным то, что не имело под собой никаких оснований!

Наконец Майя нарушила молчание:

– Ужас... Кошмар...

– Да уж, – промямлил Эдуард. – А...а что ты имела в виду?

– Я?

– Да, ты...

– А ты? – оправившись от первоначальной растерянности, пристально взглянула Майя на мужа. – У тебя же слова в горле застряли. Я-то просто оторопела от неожиданности. От того, что Петя умер, что наши дети встречаются. А почему тебя удивила моя реакция?

– Нет, просто ты так это произнесла... Как будто бы с каким-то подтекстом...

– Да никакого подтекста! – в хорошо знакомой Эдуарду наступательной манере отчеканила Майя.

А он сжался от её тона и робко пробормотал:

– Я думаю, мы должны поехать к Вере...

У Майи забила жила у виска. Она вскочила с кресла и стала выписывать круги по комнате, не переставая повторять про себя: «Наказание! Наказание! Наказание!»

Эдуард же, поднявшись со стула, как будто прирос к полу. Сердце его бешено колотилось, но он сконфуженно улыбался.

Майя остановилась и, давя бушующее внутри неё беспокойство, нарочито хладнокровно проговорила, не глядя в сторону супруга:

– Вот как оно бывает! Пути сошлись! А разошлись-то ещё там, в России. После такой дружбы...

Предположив, что его предложение о визите к Вере не принимается, Эдуард, только чтобы не молчать, импульсивно подхватил и начал развивать мысль жены о порванных между друзьями отношениях.

– Да, мы же с Петей в университете были не разлей вода, – осторожно произнёс он. – Так же, как и вы с Верой. В деталях помню, как мы познакомились с тобой и с Верой на вечере у вас на инязе, – чуть оживился он. – Всё это было как будто вчера. А вы с Верой были такие красивые!

– Всё ещё тоскуешь по Вере... Не можешь забыть... – стиснула зубы, резко повернулась в сторону мужа и впиалась в него цепким взглядом Майя.

Тень пробежала по лицу Эдуарда. У него промелькнуло в голове: «А ты не тосковала по Пете?» Но он не произнёс этого, ибо характер не позволил, да и момент был не тот. И он лишь растерянно пробубнил:

– Зачем ты опять поднимаешь эту тему? Мы же договаривались не ворошить прошлое. Каждый сделал свой выбор. Поэтому и отношения прекратились.

– Не прекратились, – выпалила Майя. – Там в Союзе уже не общались, так здесь вот теперь...

– Да, Майечка, здесь! – смятенно посмотрел на жену Эдуард. – Но что же поделаешь! Такая вот у Олечки пора наступила! Здесь, где теперь уже наш дом!

Майе в её крайне наэлектризованном состоянии было достаточно любого повода, чтобы выйти из себя. И она после слов мужа выместила на нём всё своё внутреннее бурление. Ведь её сейчас как раз не отпускала мысль о том, что если бы они не уехали, так и не случилось бы того, что случилось!

– Ишь ты! – взорвалась она. – Наш дом! Как это ты сказанул: «Хотя Питер – и родина, а дом уже здесь, далеко-далеко от России», – скопировала она интонацию мужа. – И Оля же тебе вторит! Видите ли, выросла она тут корнями!

Эдуард смешался. Ведь Майя никогда ранее так категорично и зло не высказывалась по поводу эмиграции! Он не мог понять, в чём причина этой вспышки...

Знал бы он!

А Майя продолжила срывать зло на Эдуарде, обвиняя его в отсутствии ностальгических чувств. Она гневно тряхнула головой:

– Как же можно вырвать из сердца целый кусок жизни? Ну ладно, Олечке простительно, она была увезена нами, как говорится, сосунком...

– Хороший сосунок, 8 лет, – нерешительно поднял на жену глаза Эдуард.

– Ты понял, что я имела в виду, – отрезала Майя. – Но ты-то, неужели у тебя не ёкнуло, когда ты ступил на ту землю через 12 лет разлуки? – пронзила она мужа негодующим взглядом.

– Сознаюсь, ёкнуло, – вздохнул он. – Но если по правде, то по прошествии этих двух недель я возвращался спокойно...

Майя издала характерный для неё звук, который Эдуард определял как «кашелёк». Это было такое нервное короткое крикание, от которого у него всегда холодело внутри. Ибо означал этот звук только одно – вспыхнувшие в жене и подавленные ею недовольство, раздражённость, а подчас даже и бешенство. И ведь звук этот сопровождался ещё и сердитым колющим взглядом! Эдуарду, как человеку достаточно мягкому, такая реакция на слова других людей была совершенно несвойственна и вызывала у него оторопь. Он разумел, что этот «кашелёк» есть проявление норовистого характера жены и, как следствие – неадекватного реагирования на окружающую действительность. Поначалу он раздражался по этому поводу, а потом понял, что себе дешевле в такие моменты постараться пойти на попятную или свести всё к шутке во избежание последующего неизбежного взрыва.

А Майя действительно была на грани детонации. В мозгу у неё стучало: «За что? За что? Уехали на свою голову!» Но она не могла произнести это вслух, не могла разоблачить себя! И потому иступлённо продолжила попрекать мужа отсутствием у него ностальгических чувств.

– Я, наверное, не от мира сего! – вскипела, как и ожидал Эдуард, вслед за изданным ею «кашелем» Майя. – Господи, ну неужели не существует цветов кроме белого и чёрного? Предпочитаю этим двум краскам спектр!

Эдуард же, не ведая истинной причины столь экстатического состояния жены, подался к ней, обнял и робко улыбнулся:

– Да не мучай ты себя так! Жизнь прекрасна!

– И многогранна, – рывком высвободилась из его объятий Майя.

Эдуард растерянно покачал головой, а у Майи на лице опять выступили капельки пота, и она стремительно бросилась к окну, при этом чуть не опрокинув большую напольную вазу с охапками искусственных веток осины и клёна, расцвеченных в осенние красно-жёлтые тона. Ветки эти были куплены Эдуардом в какой-то из зарубежных поездок. Майя тогда выразила полное равнодушие к этому приобретению, а он, желая потрафить жене, начал убеждать её, что это будет напоминать им в их новой стране проживания о родной природе. У Майи это заявление ожидаемой Эдуардом благодушной реакции не вызвало. Вообще, будучи натурой прагматичной, она предпочитала приобретать за рубежом красивые носильные вещи. И вот сейчас, чудом не повалив и не разбив вазу, она снова резко повернулась к мужу и упрекнула его:

– Что же ты тогда эти ветки-то тащил издалека? Если не ностальгируешь?

– Ну, прости, дорогая! – улыбнулся Эдуард. – Просто не так всё однозначно.

Майя гневно скривилась, и в этот момент сквозняк настезь распахнул окно. Тюль ворвался в комнату, накрыв Майю с головой. Такое направление ветра было признаком изменения погоды в худшую сторону.

– Портится погодка-то, – воспользовался поводом разрядить обстановку Эдуард.

Майя судорожно выпуталась из занавески, захлопнула окно, повернулась к мужу, окинула его неприязненным взглядом, усмотрев в этой его фразе укор, и стиснула зубы. И спустя мгновение, безо всякой связи с тем, о чём они только что говорили, буркнула с почти сочувствующей интонацией, в которой Эдуарду почему-то послышались злорадные нотки:

– Бедная Верка. У них с Петей была такая идиллия! Да и материально ей трудно придётся. Эдуард не успел и рта раскрыть, как Майя вдруг передёрнулась:

– Едем к Вере! Вещи разберём потом. По дороге прихватим что-нибудь в кондитерской.

– Да-да, конечно, только возьму записную книжку с адресом, – растерянно закивал Эдуард.

Подстёгиваемые будоражащей их проблемой, супруги суматошно сделали всё самое необходимое и покинули квартиру.

В машине Майя, отвернувшись к окну, безмолвствовала, и Эдуард, несколько раз покосившись на неё, осторожно произнёс, просто для того, чтобы нарушить тягостное молчание:

– Я так понимаю, что у них и дом, и квартира такие же, как у нас...

Майя, не поворачиваясь к мужу, сердито резанула:

– Неудивительно.

И у него пронеслась в голове та самая фраза «Свой Дом Далеко От Дома», которую еле слышно проронила во время этой их последней поездки мать Майи в ответ на радостное заявление Ольги: «У нас же своя квартира!» Майя тогда замерла, оцепенела, а потом грустно согласилась: «Да, мамочка, права ты... Дом – и образно, и буквально... И с прописной, и со строчной...»

А тот, что со строчной, был типовой и в неплохом районе. Относительно новая восьми-этажная одноподъездная башня. Населённая как коренными гражданами страны, так и такими же, как они, эмигрантами. А среди тех и других были и владевшие квартирой, и арендовавшие жильё.

У Майи и Эдуарда – три комнаты, включая гостиную. Да ещё американская кухня – без стены между ней и гостиной. И ведь самое главное, что это – их собственность! Конечно, пришлось набрать ссуд, чтобы приобрести это «чудо». Но какое это имеет значение, когда им так повезло, что у них есть работа!

Обстановка – как у всех. Вернее, почти как у всех приезжих. Габаритная мебель прикуплена уже здесь, а разборная мелочь прибыла в багажных ящиках «оттуда». Буфет, после их долгих хождений по мебельным магазинам, был найден почти точь-в-точь такой же, как у них был «там», и заполнен он был посудой и хрусталём, которые, будучи тщательно упакованными перед отъездом, в целости и сохранности добрались до места назначения. Благополучно путешествовали и люстры. И электрические лампочки. Чешские книжные полки, не только отяжелявшие стены, но и взгромождённые одна на другую от пола до потолка, были заполнены книгами, с таким трудом доставшимися им в той прежней советской жизни. Да ведь и полки эти не просто так там были куплены! Почти всё же было в дефиците, и надо было исхитриться «доставать»! Подключать блат, переплачивать...

Так велось в Союзе, что наличие книг было признаком принадлежности к интеллектуальным слоям общества, а в сочетании с присутствием в доме красивых предметов быта ещё и доказательством того, что обладатели всего этого богатства дотянулись до людей респектабельных, действительно преуспевших. Встали с ними в один ряд! А что являлось критерием преуспевания – так это разговор отдельный. Правда, и Эдуард, и Майя, в отличие от очень многих обладателей домашних библиотек, читали содержимое их книжных хранилищ. Но вот импортную мебель и то, что заполняло горку и стенку в гостиной, а также натуральные ковры, красовавшиеся теперь здесь на стенах и на полу, Майя всё-таки посчитала необходимым непременно «достать», невзирая на полное равнодушие Эдуарда к этим атрибутам роскоши. Соседи из «местных», иногда заглядывавшие к ним, с удивлением пялились на приехавший оттуда «шик», но притворно его нахваливали. Понимая всё это, Майя и Эдуард сконфуженно объясняли, что это не есть проявление мещанства, а что так там было принято.

В какой-то момент Эдуард, задумавшись, не успел объехать выбоину, и машину слегка тряхнуло. Майя резко повернулась в сторону мужа, хотела было что-то произнести, но, узрев его растерянность, ничего не сказала. И удивила Эдуарда тем, что не отвернулась, а остановила на нём неподвижный тяжёлый взгляд. Её вдруг прожгла мысль о том, что вот прожила она столько лет с этим очень хорошим, достойным человеком, а так и не полюбила его. Пётр – и только Пётр – был и оставался единственной её страстью.

Эдуард, пронзаемый изучающим взглядом жены, повернул машину к кондитерской. Он припарковался и вопросительно посмотрел на Майю. Она же едва кивнула в его сторону и вышла, не произнеся ни слова. Эдуард поджал губы и последовал за ней. Майя решительно открыла дверь заведения, прошла внутрь, выбрала всё, что посчитала нужным, приблизилась к кассе и жестом показала мужу, что пора расплатиться. Потом они молча вернулись в машину и продолжили путь к Вере. Усевшись, Майя прикрыла глаза, а затем вдруг вполоборота повернулась в сторону Эдуарда и так же, как и до остановки, вперила в него неподвижный взгляд. Он же боковым зрением чувствовал этот её взор, ёжился под ним и лихорадочно пытался угадать, о чём она в этот момент думает.

А Майю просто охватило изнеможение, как это часто и случается после нервной встряски. И у неё в голове лениво теснились разрозненные мысли об Эдуарде, о себе самой и о её совместном с мужем долголетнем существовании.

Эдуарду сегодня было за сорок, а если быть точнее, то даже ближе к пятидесяти. Его бы можно было назвать интересным внешне, если бы не мрачное выражение лица. Когда же всё-таки случалась у него улыбка, то на щеках открывались симпатичные ямочки и лицо его отражало внутреннюю доброту. Становился он в эти моменты очень мил. Это была именно

естественная улыбка, а не наклеенная гримаса, свойственная типам лицемерным и лживым. Вообще же его порядочность не вызвала ни у кого сомнения.

Личностью он был содержательной, с богатым внутренним миром, только вот разглядеть этот его мир сходу было трудновато по той причине, что был Эдуард робок и сходил с людьми тяжело. Он не придавал значения мелочам, был предан своему главному делу – науке, не опускался до обывательских пересудов, был не злопамятен и достаточно доверчив. В то же время свойственна ему была и мнительность, так что подчас его фантазия могла разыгаться не на шутку в построении сценариев, по которым, как ему казалось, действовали находившиеся рядом особи, проявляющие в той или иной ситуации качества, табуированные в обществе. Хотя очень часто выяснялось, что всё гораздо проще, и людям этим подобные умственные конструкции были вовсе не под силу. И ещё. Чаше всего он был закрыт, но если уж раскрывал душу, то до конца. Правда, обычно потом об этом и жалел.

Но важно, что раскрывал он и другое. Кроме научного таланта, обладал он и иными способностями, и знавшие его подчас бывали весьма удивлены, когда он вдруг проявлял свой артистический и поэтический дар. Но случалось это чрезвычайно редко, и, как правило, эти его возможности держались им под замком. «Прорвало» его, например, когда, живя уже здесь, пропутешествовали они в Японию. Экскурсовод в этой поездке был, что называется, от Б-га, человек во всех отношениях незаурядный, и произвёл он на Эдуарда сильное впечатление. Такое сильное, что разразился он стихотворным отзывом и даже сам прочёл его через микрофон в автобусе в последний день поездки.

Вот он, этот отзыв. Только сначала – три пояснения. Первое – это то, что гида звали Леонард, или Лео, как к нему все и обращались. Второе – что этот Лео часто употреблял словечко «бонус» для обозначения тех деталей экскурсионного маршрута, которые, якобы, в базовый план поездки включены не были. И, наконец, третье – это то, что по-японски «спасибо» звучит как «аригато».

Итак:

Бывает – очень повезёт:
Б-г больше «ДА», чем «НЕТ» пошлёт.
А эти «ДА» – они букет,
В самих них много «ДА» и «НЕТ».

В апреле этом повезло —
Всем обстоятельствам назло
Мы получили эти «ДА»:
Упала с неба нам звезда.

Ей имя – Лео-Нардо-сан,
Такой вот бонус Б-гом дан.
Он, Лео, проводник, принЕс
Нам сакуры букет с небес.

И сам он, Лео, что букет —
В нём столько «ДА», в нём столько «НЕТ»!
ДА – ДАрит радость, ДАровит,
НЕТ – НЕ обидит, НЕ вспылит.
ДАлёк от мелкого, умён,
НЕТ спеси в нём, тактичен он.

ДА, он трудяга, эрудит,
В нём знание глубоко сидит.
От нас его он НЕ таил,
Нам щедро он его ДАрил —
И нас в Японию влюбил.

Судьба, спасибо, аригато
За эти «НЕТ», за эти «ДА»!
Пусть будет гида жизнь богата,
Гори-гори, его звездА!

Когда Эдуард огласил свой опус, в автобусе повисло молчание. Подобного от этого буки никто не ожидал. Наконец, раздались аплодисменты, а Лео сказал, что у него в группах бывали и поэты, писавшие ему отзывы, но чтобы такое... «Ну, просто Резник», – заключил он.

А Майя крутила этим «Резником» как хотела, постоянно выражала недовольство его личностными качествами и поведением в той или иной жизненной ситуации. А он как будто бы этого и не замечал – характер был у него мягкий и податливый.

Майю нельзя было причислить к писанным красавицам, но она была из категории тех, кого принято называть привлекательными женщинами. Она очень следила за собой – это пошло ещё с инязовских времён. Так там тогда было принято. Девочки соревновались между собой – кто кого переплюнет в одежде, в косметике и в умных разговорах.

В той, советской, жизни Эдуард преуспел – защитил кандидатскую диссертацию и служил старшим научным сотрудником в НИИ. Его ценили и даже считали по уровню знаний и обилию идей соответствующим какой-нибудь высокой должности, но повысить не решались – характером не вышел... А он и не расстраивался, потому как своих возможностей не переоценивал.

Его охватывало беспокойство, когда его вызывал к себе директор института. Эдуард сжимался в предвкушении недовольства грозного начальника. О раздражении же патрона Эдуард догадывался сразу по издаваемому им «кашельку», почти такому же, какой был характерен для Майи! А от этого строгого криканья ничего хорошего ждать не приходилось! Эдуард, наблюдая в такие моменты руководителя института, задавался вопросом, что же нужно для того, чтобы стать начальником? И определил для себя, что необходимые качества – это крепкий характер, амбициозность и инстинкт самосохранения. А ещё он нередко обнаруживал у таких людей конформизм, отсутствие угрызений совести и проблему с чувством юмора, что приводило его в полное замешательство. Эдуарду всё перечисленное было чуждо, и он поэтому был доволен своей планидой: с упоением занимался любимой наукой и находился в ладу с самим собой.

Майя же, как дама бойкая и решительная, дослужилась до руководителя группы переводчиков тоже в каком-то НИИ. Кроме того, она подрабатывала репетиторством. Детишки, которых она натаскивала по английскому, в основном были отпрысками всяких там «шишек», которые и содействовали Майе в приобретении недоступных простым гражданам вожделенных предметов быта.

Здесь, после приезда, Эдуард проявил завидную настойчивость в поисках работы, отдал этому много сил и в конце концов – благодаря знаниям и хорошему владению языком – был принят в научно-исследовательский сектор крупной компании. Как эмигранту, ему назначили зарплату, более низкую, чем «аборигенам» на такой же должности, но он и не возражал и даже был счастлив, осознавая, что для многих приезжих его успех был недостижимой мечтой.

Майя же окончила здесь курсы медицинских секретарей, и ей тоже подфартило определиться в одну из поликлиник.

На людях как Эдуард, так и Майя по отношению друг к другу вели себя сдержанно, воли эмоциям не давали, так что сказать определённо, какие чувства ими владеют, окружающие не могли. А у самых близких не возникало сомнений относительно того, кто в этой семье главный.

Эдуард, не отрывая глаз от дороги, всё время чувствовал устремлённый на него взгляд жены и тушевался под ним. Но он ни разу не повернулся к ней, всем своим видом выказывая полную сосредоточенность на управлении автомобилем. И когда они наконец подъехали к дому Веры, он почувствовал необыкновенное облегчение.

Майя про себя отметила, что здание это действительно очень напоминало то, в котором они жили. Только что облицовка была чуть другого оттенка.

Вдоль фасада было припарковано несколько машин, но нашлось место и для их авто. На пути к подъезду супруги оказались под прицелом неотрывных взоров двух пожилых, но изо всех сил молодящихся женщин, восседавших на лавке у стены дома. Взгляды обеих были достаточно высокомерны. На одной из дам красовалась вычурная шляпка, вид которой заставил Майю внутренне рассмеяться. У второй особы волосы были обесцвечены и уложены с помощью фена и лака, явно в парикмахерской. Первая прятала ноги под лавкой, видимо не желая привлекать внимание к заурядным туфлям, а вторая выставила нижние конечности напоказ, безусловно с намерением вызвать интерес к модным сабо на платформе. На обеих дамах красовалась броская одежда, без сомнения призванная придать им флёр нежной юности.

Когда Майя и Эдуард стали искать на панели домофона кнопку с номером квартиры Веры, обладательница крикливой шляпки барственно поинтересовалась по-русски:

– А вы к кому?

– Мы к Вере, – повернулась к ней Майя.

– Так я вам открою, – достала связку ключей и степенно поднялась с лавки женщина.

При этом у неё с колен свалилась наполненная чем-то матерчатая сумка. Вторая дама кичливо качнула головой и наклонилась, чтобы поднять её. Первая же достаточно поспешно и подобострастно остановила приятельницу:

– Нонна Арнольдовна, да что вы, дорогая! Б-г с вами! Я сама!

Она, изобразив резвость, склонилась, схватила сумку, разогнулась, тяжело дыша, и вставила ключ в замочную скважину.

Эдуард улыбнулся ей:

– Извините за беспокойство и спасибо вам большое!

– Пожалуйста, – чванно ответила женщина, внимательно разглядывая визитёров.

Войдя в подъезд, Майя едва слышно с лёгкой усмешкой сказала мужу:

– Надо же, какие фифы! А имя-то у этой блондинистой! Нонна Арнольдовна! Ни больше ни меньше!

2

Когда Майя и Эдуард позвонили в квартиру, Вера была одна в гостиной.

– Входите, открыто, – так, чтобы было слышно снаружи, произнесла она.

Вера была женщиной по-настоящему красивой. До такой степени, что шедшие навстречу невольно оборачивались ей вслед. Аристократизм, горделивая осанка, со вкусом подобранные одежда, обувь, аксессуары, косметика и духи, – всё было в гармонии. Ко всему этому, она обладала независимым, но не стервозным характером, была развита, хорошо образованна, ей было свойственно красиво, правильно и образно излагать свои мысли. Ей претила манерность, проявляющаяся у недалёких женщин в жеманно склонённой набок головке, томном взгляде и отрепетированной перед зеркалом кошачьей походке.

В Союзе Вера преподавала английский язык в техникуме, а здесь в настоящее время работала в русскоязычной газете, где пребывала и одним из авторов, и оформителем, и корректором. Владелец этого издания был ею очень доволен и щедр на похвалы, хотя в материальном отношении оценивал её работу достаточно скупно. Но ничего другого Вера с её инязовским образованием найти не могла, да и деятельность эта газетная ей была по нраву. До газеты она вела курс английского языка для русскоязычных эмигрантов, который организовал один из местных делегов. Но условия там были совершенно неприемлемыми: очень часто зарплата не выдавалась по два-три месяца, а уж о социальных гарантиях вообще речи не шло. К тому же, общий уровень приходивших на эти курсы был таков, что Вера едва сдерживала в себе негодование.

Покойный Пётр был человеком совершенно незаурядным и как личность, и внешне. Он и Эдуард в университете были одними из лучших студентов, имели много общего и с самого начала потянулись друг к другу. Но если Эдуард был талантлив, то Пётр просто блистал. Его после окончания учёбы распределили в один из научных городков, а вскоре после этого предоставили место в аспирантуре на родной кафедре, где он после защиты кандидатской диссертации и до самого отъезда преподавал и вёл научные исследования. Здесь, в эмиграции, поначалу ему повезло – он почти сразу нашёл работу в крупной государственной компании, но в постоянном штате не состоял, был там, что называется, на птичьих правах. Язык ему давался тяжело, и тем не менее он выступал на совещаниях, и к нему прислушивались. Но вот однажды он позволил себе прилюдно покритиковать главного специалиста, из местных. Лицо того пошло пятнами, он сжал зубы и прострелил Петра взглядом, полным ненависти и удивления подобной наглостью со стороны какого-то там эмигранта. У коллеги Петра, тоже из «русских», похолодело внутри, так как он начал работать раньше и хорошо изучил нрав этого типа. Он понял, что Петру так это не пройдёт, и после совещания осторожно сказал ему об этом. На что тот категорически возразил, что терпеть не может тупости. Этот местный выждал чуть-чуть и вышвырнул Петра. И он долго был без работы.

А потом в Верину газету принесли вдруг объявление о том, что в одной из хай-тек компаний ищут специалиста, и как раз по профилю Петра. Оказалось, что владеет этой фирмой приехавший давно доктор наук. По фамилии Коварский. Этот профессор-бизнесмен благодаря исключительным пробивным и авантюрным способностям сумел организовать компанию, довольно успешно выполняющую работы для крупных государственных предприятий. Расчёт у этого Коварского был наивернейший. Он поставил на блестящие мозги, которые в избытке утекали из Союза. И к нему хлынул поток специалистов, для которых тут было раздолье – всё на русском языке! Коварский с сарказмом любил рассуждать о том, что в Союзе после общеобразовательной школы и после высших технических учебных заведений люди в лучшем случае могут со словарём перевести кое-что по специальности, да и то если там нет грамматических наворотов. И что об элементарных навыках разговорной речи вообще говорить излишне. Что

их, этих навыков, нет даже после аспирантуры с её кандидатским минимумом. И что поэтому устроиться по специальности в эмиграции для многих, что называется, труба. В общем, этот Коварский отобрал для своего заведения самые сливки! И не удивительно, что компания его пошла в гору. Начались внедрения, стали окупаться вложения. Да и как же иначе? Научные кадры как на подбор, а всеми внешними контактами занимаются люди из местных, без проблем с языками.

После обращения к Коварскому Пётр сразу же был им принят на службу и, благодаря своим незаурядным способностям, стал у него ведущим специалистом. Только вот и здесь его постепенно начали раздражать некомпетентность и диктат босса. Но помня о приключившейся с ним ранее истории и понимая, что другой работы не предвидится, он очень долго не перечил начальнику и держал досаду внутри себя. Однако конфликт всё же произошёл, и обстановка накалилась до предела. И это, по мнению Веры и всех, кто был в курсе случившегося, и привело в конце концов к болезни и кончине Петра.

Итак, услышав голос Веры из квартиры, Майя и Эдуард осторожно отворили дверь. В этот же момент от сквозняка распахнулось окно, и, точно так же, как это уже случилось сегодня и у пришедших супругов, в комнату ворвалась занавеска и пролетела до сидящей на диване Веры. Та стала отмахиваться от накрывшего её тюля, но в тот момент, когда дверь захлопнулась, зловредная ткань нехотя вернулась на место. Майя и Эдуард ошеломлённо переглянулись.

– Проходите, садитесь, – выдавила из себя Вера сквозь слёзы.

Эдуард и Майя безмолвно опустили на краешки стульев, придвинутых к дивану. Испытывая неловкость, они молча смотрели на Веру, а та тоже остановила на них застывший взгляд.

В какой-то момент Майя не выдержала этого взора и обвела глазами комнату. Обычно она довольно поверхностно оценивала чужое жилище, в котором оказывалась впервые. Вот и сейчас она уловила лишь то, что её и Верина квартиры спланированы практически одинаково, что обстановка гостиной достаточно невзрачна и что почти всё пространство занимают книги.

Майя снова перевела взгляд на Веру. На той был чёрный костюм, который в сочетании с потемневшим от горя лицом делал вид безутешной вдовы совершенно мрачным и траурным. Майя хмуро качнула головой в знак сочувствия, и Вера ответила ей тяжёлым вздохом. Неловкое молчание продолжилось, и Майя про себя отметила, что её бывшая подруга мало изменилась внешне за то время, что она её не видела. А вслед за этим она вдруг подумала: «А костюм-то у неё элегантен, да ведь других у неё никогда и не водилось». И тут же устыдилась этой своей мысли. И не только оттого, что сама пришла в довольно изящной дорожной одежде – модной трикотажной брючной двойке горчичного цвета и такого же колера новеньких полусапожках.

Эдуард же смотрел на Веру с грустью и тревогой. С грустью – оттого, что не мог отогнать от себя нахлынувшие на него воспоминания о том коротком времени, когда они были вместе. С тревогой – потому что его чрезвычайно беспокоило происходящее с Ольгой и Маратом, которых он считал своими детьми.

Наконец Вера еле слышно промолвила:

– Вот и представился повод увидеться.

– Да, так оно в жизни, – тихо вздохнула Майя. – И то опоздали. Сегодня только вернулись из Питера.

– Какое совпадение, – наморщился лоб у Веры. – Девочка Маратика тоже только сегодня...

Она осеклась и вопросительно уставилась на Майю и Эдуарда. И в этот момент в гостиную вошли Ольга и Марат.

– Мама? – опешила Ольга. – Папа? Вы... знакомы?

– Да, Оленька, и давно, – сдержанно кивнула Майя.

– Оленька у нас сегодня впервые... С Петей ведь такое было..., – нервно переплела пальцы рук Вера. – Я, конечно, спрашивала о ней у Маратика, но о фамилии как-то речь не заходила. Вот так номер!

– Действительно, – конфузливо повёл бровью Эдуард.

– Так и мы ведь ни о чём не догадывались! Олечка ведь говорит – Мар, Марик...

– Да, – сказала Вера, – здесь в школе его стали так называть, да и в университете к нему так обращаются. А он уж и сам привык...

Марат перевёл взгляд с Веры на пришедших и улыбнулся:

– Ну и что, что всё разъяснилось только сейчас? Ведь вы же не Монтекки и Капулетти? Не заклятые враги? Или... заклятые друзья? Как сейчас говорят.

– Да просто в такой день... – растерялась Вера.

Эдуард замер. Ведь он никогда не видел этого парня, которого считал своим сыном! А Марат оказался юношей видным, спортивного сложения, высоким. Лицо его светилось умом и неподдельной доброжелательностью.

Майя и Эдуард разглядывали его каждый со своими мыслями. Разумеется, они искали в нём сходство с Ольгой. Майя

– как родившая дочь от Петра, а Эдуард – будучи убеждённым в том, что и Ольга, и Марат – его дети.

Наконец Эдуард робко нарушил возникшую паузу:

– Вера, мы тут принесли пироги, вино...

– Да, давайте попьём чаю, – кивнула она. – И помянем Петю.

Вера поднялась было с дивана, но Ольга поспешно вернула её на место:

– Нет, нет, сидите. Мы сами. Мама, Марик, пойдёте, соорудим чаёк.

Майя, Ольга и Марат вышли на кухню. Эдуард подался к Вере.

– Я тебе очень сочувствую, – еле слышно вымолвил он. – Понимаю, как тебе тяжело. Но прости, я не могу не сказать тебе... Ты же понимаешь, что этого нельзя допустить.

– Чего именно? – удивлённо посмотрела на него Вера.

– Ты прекрасно поняла, что я имею в виду. Допустить нельзя того, что происходит с нашими детьми.

– Почему же? – опять занедоумевала Вера.

– Что значит, почему?

– Да, почему? – продолжила настаивать она.

– Господь с тобой! Они же брат и сестра!

– Ты в уме? – часто задышала Вера.

– Вполне, – потяжелел взгляд у Эдуарда. – Ты что думаешь, если матери разные, то это не инцест? Не кровосмешение? Господи, у них же могло уже зайти далеко!

– Эдик, я тебя не понимаю...

– По-моему, тебе изменяет здравый смысл, – схватился за голову Эдуард. – Прости, но это не терпит отлагательств. Это нужно пресечь!

Он поспешно отпрянул от Веры, потому что в гостиную вернулись Майя, Ольга и Марат. Они внесли всё для чая и без слов накрыли на стол. Все сели и начали безмолвно пить.

– И как же это произошло? – наконец нарушила молчание Майя.

И Вера, с трудом справляясь с перехваченным горлом, рассказала о том, что болезнь развивалась настолько стремительно, что ещё чуть менее полугода назад ничто не предвещало такого конца. Что всё началось внезапно, когда у Петра вдруг стали иссякать силы, появились другие симптомы. Что после проведённых обследований стало ясно, что процесс уже чуть ли не на последней стадии. Так что даже операцию делать не стали.

– Сгорел, – со слезами заключила Вера.

В комнате опять воцарилось тягостное безмолвие. И на этот раз прервал его Эдуард:

– Да, Оленька говорила, что у её парня тяжело болен отец...

Марат скорбно опустил голову и обнял Ольгу.

– Эти две недели, что вы были в отъезде, – до боли сжала губы Вера, – оказались самыми тяжёлыми. Состояние резко ухудшилось. Петя угасал на глазах. Эта проклятая работа, она его доконала.

– А что произошло? – пришёл в недоумение Эдуард. – Мне казалось, что у Пети на службе всё должно было складываться достаточно благополучно. Светлая голова. Блистательный ум. Таких, как он, – по пальцам сосчитать. Лучший из лучших.

Тогда Вера, едва сдерживая рыдания, поведала о наболевшем. О том, как Пётр батрачил на Коварского. Чувствовалось, что если бы она могла, то разорвала бы этого мерзкого Коварского в клочья.

– Да ведь как учёный он ничего собой не представляет, – дрожал у неё от негодования голос. – Не знаю, правда ли это, но злые языки утверждают, что кандидатскую и докторскую диссертации в Союзе ему сделала его любовница, профессор, которая была старше него.

– Классический сюжет, – угрюмо усмехнулся Эдуард. – Правда, соотношение полов персонажей чаще противоположное.

– Цель и результат те же, – сердито скривила губы Майя.

– Вот именно! – сорвалось дыхание у Веры. – Говорят, она была на редкость талантливым учёным, а он красив как Аполлон. Он и сейчас неотразим в свои 62 года. В рубашке родился. И здесь, в эмиграции, порхал и порхает по жизни. Ездил и продолжает ездить на таких, как Петя, который был у него самым незаурядным из этой когорты гениев-неудачников. Подёнщиков. Крылья расправить он им не даёт. Они же в полной от него зависимости.

Вера совсем помрачнела и рассказала, что однажды Пётр не выдержал и прилюдно бросил Коварскому в лицо, что наука для него – китайская грамота. Затронул за живое. А тот побелел от злости, и с этого и началось. Все думали, что босс тут же оскорбителя и выгонит. Ан нет, осознавал Коварский, что без Петра он ничто, что рубани он с плеча – и всё может пойти из рук вон... Но с тех пор он стал травить плюнувшего ему в душу подчинённого, что называется – держать его в чёрном теле. Перестал стесняться в выборе слов, в голосе появились издевательские интонации. Так и жил Пётр под вражеским огнём. Но деваться ему было некуда. Ведь он же, подобно многим учёным-эмигрантам из Союза, вынужден был держаться за своё рабочее место!

У Веры на лбу появилась испарина, она стала нервно тереть край жакета. Присутствующие приумолкли, не зная, куда глаза девать.

И вдруг наступившую тягостную паузу нарушило испугавшее всех рыдание вдовы:

– Дрянь, дрянь он, этот пройдоха Коварский! Он, он убил Петю! Я же чувствовала, что его изнутри гложет нечеловеческая боль... Вот она, болезнь, и не заставила себя ждать...

Марат бросился к матери и обнял её. И та прильнула к нему и притихла...

В этот момент в квартире появились две женщины. Они робко приоткрыли входную дверь и стали приближаться к столу. Присутствующие молча наблюдали за ними. Одна из них была полновата, одета с некоторой претензией и во всё облегающее, как это почти всегда и водится у обладателей избыточного веса. Даме можно было дать лет пятьдесят. Впору было бы назвать её в какой-то степени даже интересной и приятной, да вот портил её слабый подбородок, который сейчас совсем ушёл назад от попытки придать лицу скорбное выражение. Эдуард, со свойственной ему проницательностью и склонностью к анализу, сразу по едва уловимым признакам и прежде всего по плохо скрываемому жеманству, предположил, что она явно принадлежит к тому типу женщин, которых он называл верещалками. Рот у них не закрывается, они всё время что-то «несут» и даже умничают, но поток останавливается, как только они оказываются в обществе людей, более содержательных, чем они. Тут они молчат и чаще всего с рассудительным видом курят, и обязательно дорожные дамские сигареты. При этом много-

значительно кивают и изрекают нараспев, заглубляя голос, словечки типа «понятно», «ясно», «конечно». Круг их интересов ограничивается бытовыми делами, шмотьём, уходом за «мордой лица», косметикой и сериалами, которые они поглощают самозабвенно, искренне сопереживая тому, что происходит на экране. При этом если какая-либо часть их любимого зрелища пропущена, они жадно выслушивают её пересказ от своих товарок. Да ещё очень часто по телефону, а иногда и во время работы. Если, конечно, им удалось хорошо пристроиться. А они умеют пристраиваться, используя чаще всего известный женский способ. Ко всему прочему, не будучи от природы совсем дурами, они знают, как себя вести в той или иной ситуации, изображают из себя обаяшек, называют всех уменьшительно-ласкательными именами, одаривают милыми улыбками, оказывают мелкие услуги, пускают в ход лесть. Вы у них не Женя и не Женечка, а Женёк, и, плюс ко всему этому, ещё и «роднучка». И медок вам в маленькой баночке, и лачок для ногтей, и «Чики-брики» в завершение телефонного трёпа вместо простого «До свидания». Эдуарду попадались такие типажы довольно часто.

Звали эту женщину Эмма. Держалась она позади другой вошедшей, которая была достаточно мила собой и тянула тоже лет на пятьдесят. В ней Эдуард угадал ум, образованность и лидерские качества. Ему было ясно, что для такой нет ничего важнее работы. Звали эту другую Дина.

– Здравствуйте, – совершенно естественно, без жеманства, произнесла она.

– Здравствуйте всем, – томно вторила ей Эмма, заученным движением поправляя причёску.

– Здравствуйте, девочки. Проходите, садитесь, – горько вздохнула Вера. – Это Дина и Эмма, сослуживицы Пети. А Дина к тому же ещё и наша соседка, живёт двумя этажами выше, – тихо объяснила она Майе и Эдуарду.

Затем Вера представила пришедшим Майю и Эдуарда как своих старых друзей.

– Прошу прощения, – скорбно сжала руки Эмма, – услышала я вот, как вы этого Коварского... Да уж, пососал этот учёный в кавычках из Пети и идей, и крови. Ездил на нём верхом.

– Да, не сладко было Пете, – горестно вздохнула Дина.

– Он ведь не был из тех, кто идёт по жизни как таран. Хлебнул через край. Поедом себя ел. И не вынес несправедливости, – мрачно посмотрела она на Веру.

У Дины навернулись слёзы.

«Что ей обычно несвойственно. Женщина она крепкая», – подумал Эдуард.

– Да что сейчас об этом, – сжалась Вера. – Можно сойти с ума.

В это время зазвонил телефон у Эммы. Она начала говорить, но тут же прикрыла микрофон рукой и, понизив голос, обратилась к Дине:

– Заветделом...

– Кто-о-о? – недовольно поморщилась та.

– Стив, – прошептала Эмма. – Скороговоркой, не по-нашему, – добавила она. – На, послушай, я не поняла.

«Естественно, ты не поняла. Кишка тонка», – пронеслось в голове у Эдуарда.

Дина взяла у Эммы аппарат, какое-то время слушала, а затем зажала ладонью микрофон и, понизив голос, сказала ей:

– Какое-то недоразумение на работе. Что-то с твоими результатами анализов. Давай выйдем.

Дина направилась к выходу из квартиры, продолжая слушать мобильник. Эмма засеменила вслед за ней.

Тут Марат, пошептавшись с Ольгой, объявил:

– Мы с Ольгой пойдём ко мне в комнату.

Марат поднялся. Ольга засмушалась и тоже встала. Парень обнял её, и они удалились.

– Кто бы мог подумать? – пронзила Веру испытующим взглядом Майя.

– О чём ты? – не поняла та.

– И о Пете. И о наших детях, – взглядом выразила удивление несообразительностью своей бывшей подруги Майя.

– А что дети? Что тебя не устраивает?

– Э-э-э... – замялась Майя. – Ну, они ещё такие молодые. Им надо учиться.

– А что, они уже женятся? – недоумённо посмотрела на неё Вера.

– По-моему, того и гляди, – послала ей дерзкий взгляд Майя.

– Ну и что в этом плохого? – перевела Вера глаза с неё на молчавшего всё это время Эдуарда. – А если это любовь? Да что тут лукавить! Это же видно невооружённым глазом. Друг другу в рот глядят.

Майя не успела ответить. У неё зазвонил телефон.

– Да, мамочка, – сосредоточилась она. – Да. Да. Нет, нет, доехали хорошо. Ну зачем ты тратишься? Я бы тебе позвонила. Так получилось. Я тебе перезвоню, когда вернусь. Ну что значит – не надо?

Майя поспешно поднялась и вышла из квартиры. Вера, оставшись наедине с Эдуардом, впиалась в него глазами:

– Что это Майя так обеспокоилась из-за детей? Аж заикаться стала.

– Представления не имею, – прошептал он, недоумённо пожав плечами. – Но ты-то что так спокойна?

– А что мне волноваться? Я уже сказала тебе, что не понимаю, о чём речь.

– Вера, зачем ты морочишь мне голову? Тебя, как и меня, в равной степени должно беспокоить то, что у Марата и у Оли один отец.

– Что ты имеешь в виду? Кто это их отец?

– Тихо! – испугался Эдуард того, что они могут быть услышаны. – И довольно шутить!

– Да никаких шуток, – недоумённо повела плечом Вера.

– Не понял...

– А что тут понимать? – с трудом сдержала она раздражение. – Маратик – сын Пети.

– Не хочешь ли ты сказать, что и Петя в это верил? – метнул в неё убийственный, как ему казалось, аргумент, Эдуард.

– Что ты имеешь в виду? – замерла Вера.

И Эдуарду показалось, что он попал в цель.

– А то, что незадолго до того, как мы с тобой расстались, у тебя обнаружили явные признаки беременности.

– Это ты так считал, – взяла себя в руки Вера. – Я, помнится, даже задала тебе вопрос: «А ты что – гинеколог?»

– Это я помню, – промелькнуло смущение в глазах у Эдуарда. – Как помню и то, как в конце концов ты в сердцах бросила мне: «Беременна – не беременна. Какое это имеет значение?»

– Эдик, – взмолилась Вера, – я не была от тебя беременна!

– Но ты же родила через девять месяцев после этого!

– Ну и что?

– Как это, ну и что?

Вера почувствовала необыкновенную усталость:

– Ты вынуждаешь меня сегодня, в такой день, вернуться в прошлое.

– Прости, – опустил глаза Эдуард, – но у нас с тобой нет выбора.

И они оба приумолкли, и перед их мысленным взором пронеслось то, что происходило в давно ушедшее время.

Вера явственно представила, как она и Пётр были на седьмом небе от счастья в студенческие годы и как все тогда им завидовали... И как оттого, что были они молоды и неразумны,

в какой-то момент, уже практически перед окончанием учёбы, у них произошёл разрыв. И как она долго пребывала в депрессии и никого к себе не подпускала. И как Эдуард, сходявший по ней с ума, нашёл к ней ключик, и они сблизились...

И Эдуард, сидя подле погружённой в скорбь Веры и понуро уставившись в пол, с тоской и болью вспоминал о том недолгом времени, что был с ней. С тоской – потому что в нём всколыхнулось прежнее к ней чувство! С болью – ибо будучи удручённым и подавленным смертью своего друга, он запоздало корил себя за те страдания, которые причинил ему, сойдясь с Верой. Ведь Пётр не мог тогда думать ни о чём другом, как только о том, чтобы вернуть её! Он страстно желал этого! Но на пути у него стоял друг, к которому он, несмотря ни на что, по-прежнему был искренне, почти по-братски привязан! А Эдуард и сам тогда томился от того, что доставляет Петру боль, но любовь к Вере ослепляла его и затмевала все остальные чувства.

Вера же, замершая рядом с Эдуардом, думала о том, как в тот период, что она была близка с этим застывшим возле неё мужчиной, ей тяжело было нести груз обиды на Петра и как она не решалась разрубить этот узел... И как наконец-то рассталась с Эдуардом, страдая от того, что причиняет ему боль... И как Пётр, узнав об этом их разрыве, примчался к ней из Академгородка, куда уехал после окончания института по распределению... И как они сразу и поженились... И как тогда она выговорила Петру, что он должен был бороться за своё чувство, а не держать в себе кручину. «Ведь ты же нутром чувствовал, что я не могу вырвать тебя из своего сердца», – упрекнула она его.

Вера, вспомнив всё это, чуть разомкнула веки и увидела, что Эдуард совсем ушёл в себя. А он действительно замер, застыл, почти физически ощутив то блаженство, в состоянии которого он пребывал в то короткое время, что был с Верой. Они ведь были близки друг другу по духу, по интеллекту. Могли часами разговаривать, им было интересно вдвоём.

Майя же, в отличие от подруги, была не столь основательной, многого нахваталась, в том числе изрядно набралась и от Веры, подражала ей. И с женой у Эдуарда такой интеллектуальной и духовной общности, как с Верой, не было. Он склонен был аналитически, философски и поэтически воспринимать действительность. Этими своими ощущениями он с Майей не делился, держал в себе, потому что она, как правило, при таких его откровениях молчала. Он чувствовал, что ей неинтересно, что она оценивает то же самое поверхностно и прагматично. Так вот и сегодня, Эдуард, прильнув к иллюминатору, как это обычно и бывало с ним в самолётах, повторял про себя строчки Галины Гампер, не переставая удивляться, как это она точно и тонко подметила:

Как медленно дымятся тучи,
Как медленно минуют нас...
.....
А я мелькание в глазах
Всегда за скорость принимала...

Когда Эдуард в первый раз заговорил с Майей об этом в каком-то давнем уже полёте, она среагировала равнодушно, если не сказать пренебрежительно, так что он осёкся и больше никогда подобным образом перед женой не раскрывался. А вот у Веры его душевные порывы находили живой эмоциональный отклик. Поэтому сегодня, в небе, когда Майя легко толкнула его в плечо и требовательно спросила: «О чём задумался?», он просто улыбнулся и сказал: «Любуюсь облаками».

Вообще же, что касалось реакции Эдуарда на окружающую действительность в присутствии случайных людей, то она очень часто не понималась ими должным образом. Так, сравнительно недавно в бассейне он обратил внимание на какую-то пышнотелую тётю, подпрыгивающую на одном месте в воде с явным намерением похудеть. Она вдруг по-простецки обратилась

к нему по-русски: «Я вам не мешаю?» На что Эдуард просто с вежливой улыбкой отрицательно покачал головой. Когда он отплыл от этого места, другая женщина, наблюдавшая за ними, указала ему движением головы на ту, что прыгала, и скептически сказала: «Зазря волны делает. Меньше кушать надо». У Эдуарда тут же возник экспромт, и он, чуть удалившись и думая, что не будет услышан, совсем тихо с ироничной улыбкой произнёс: «Не шевелитесь зря – худеют лишь не жря». И вдруг услышал голос пловчихи, пропагандировавшей умеренность в еде: «Как худеют? Не поняла». Эдуард повернулся к ней и со смущённой улыбкой сказал: «Извините. Это я так...». Женщина с превосходством посмотрела на него и гордо вразумила: «Если вы хотите говорить такие некрасивые слова, то грамотно будет сказать: «не обжираясь». Он же вежливо и с улыбкой поблагодарил: «Спасибо, буду знать».

Вера, конечно же, прекрасно понимала, насколько Эдуард и Майя были разными людьми, и вот даже сейчас, в совершенно неподходящий момент, она вдруг поймала себя на том, что ей жаль сидящего перед ней мужчину. И от этой мысли она очнулась, у неё дрогнули веки, и она страдальчески прошептала:

– Нет, Эдик, мне тяжело сейчас говорить обо всём, что тогда происходило. Просто поверь мне, что Марат – Петин сын.

– Да, но когда ты родила, – порывисто склонился к ней Эдуард, – во мне поселилась уверенность, что я – отец ребёнка. Всё так сошлось по срокам.

– А откуда она взялась, эта уверенность? – отпрянула от него Вера. – Ведь я вышла замуж за Петю сразу после нашего с тобой разрыва. И Маратик родился чуть недоношенным.

– Допустим, – продолжил настаивать Эдуард. – Но Петю-то как ты убедила в том, что так оно и было?

– Опять ты за своё, – рассердилась Вера. – Бред какой-то. Не было никакой надобности убеждать Петю. Он получил все доказательства того, что я не была беременна перед замужеством.

– Хорошо, будем считать, что это правда, – сделал вид, что сдался, Эдуард.

– Эдик, так оно и есть. Клянусь тебе. Я же не враг моему ребёнку, – устало выдохнула Вера.

– Хорошо, я верю тебе, – понурил голову Эдуард. – Но знаешь, этот разговор разбередил старую мою рану. Конечно, негоже об этом сегодня, при таких обстоятельствах....

Эдуард замялся, лоб его вспотел.

– В общем, я никогда... я никогда... не забывал тебя... – пробухтел он. – Несмотря на то, что через полгода уже сошёлся с Майей... Твоей подругой.

– Не надо об этом, – остановила его коротким движением руки Вера. – Перед памятью Пети.

– Да, прости, – отрезвел Эдуард. – Петя был единственным моим другом. Других так и не появилось. Жизнь – злодейка... Сначала то, что я был с тобой, а потом – ваша с ним женитьба привели к осложнению наших с ним отношений.

– Эдик, – устало сказала Вера, – да всё же переплелось тогда. Ведь, ко всему прочему, твоя Майя сохла по Пете, буквально липла к нему, но не находила взаимности. Ему никто не нужен был кроме меня. И потому после того, как вы с Майей поженились, семьями мы уже не общались. Что вполне естественно. Эдик, давай прекратим этот разговор, ведь всё же разъяснилось. Нашим детям ничто не мешает быть вместе.

Эдуард сжал руку Веры, и в этот самый момент вернулись Майя, Эмма и Дина. Вера зарделась, отдернула руку, и вошедшие заметили это.

– Надолго отлучилась, – вырвалось у Майи.

Она пристально посмотрела на мужа, перевела взгляд на Веру и почти неслышно издала пресловутый крякающий звук. От этого «кашелька» у Эдуарда похолодело внутри, он сжался,

да и Вера как-то неловко сторбилась. А Майя мрачно прищурилась и, с трудом укротив внутреннее кипение, натужно сообщила:

– Мама звонила. Волновалась, что домашний телефон не отвечает. Интересовалась, как прошла наша поездка. Я её едва убедила разъединиться. Это же междугородный разговор на мобильник. Для них там это бешеные деньги. Вернёмся домой – я ей перезвоню.

Испытывая замешательство, никто из присутствующих не произнёс ни слова. И тогда Майя, преодолевая себя, почти ровно вымолвила в сторону Эдуарда и Веры:

– Мы там в коридоре говорили с Диной и с Эммой о Пете.

– Золотой был человек, – с готовностью подхватила Дина. – И учёный незаурядный. Для всех это большая потеря. А для вас, Верочка – и вовсе. Ведь ни для кого не было секретом, как он любил вас. Про него говорили, что он из породы однолюбов.

У Майи потемнело лицо, она опустила глаза, а Вера всхлипнула:

– Да, Петенька был очень хорошим мужем и отцом...

– Поплачьте, поплачьте, Верочка. Вам легче станет, – обняла её Дина.

– Нет-нет, я возьму себя в руки, – смахнула слезу Вера.

Майя, внутренне вскипев, сердито взглянула на неё исподлобья, но, как нельзя кстати, Эмма вдруг сменила направление разговора.

– А вы не обращались к представителям нетрадиционной медицины? – участливо спросила она Веру. – В газетах сейчас столько рекламы. Почитать – творят чудеса. Зося вот мотается к ним постоянно! Недавно Люсика своего водила, с ногой у него что-то случилось.

– Ой, оставьте! – с досадой махнула рукой Вера. – Вездесущая Зося. Получала я от неё советы по поводу специалистов-экстрасенсов.

Майя с Эдуардом опешили. Речь явно шла о Майиной двоюродной сестре и её муже.

– А откуда вы знаете Зоею и Люсика? – удивлённо спросила Майя. – Родственники они наши.

– Так с Зосей мы же вместе работаем! – блеснули любопытством глаза у Эммы. – Кстати, она сейчас придёт.

Эдуард и Майя переглянулись. Они недолюбливали эту свою родню.

– Рассказывала нам Зося, что работает в какой-то небольшой компании в области высоких технологий, – насупилась Майя. – И что специалисты там как на подбор, а один из них так совершенно незаурядный. Но мы же не поняли, что она имела в виду Петю! Впрочем, мы ведь с ней встречаемся очень редко. Уж не помню, когда и виделись-то в последний раз.

Тут отворилась входная дверь, и в квартиру бесцеремонно ввалилась крупная женщина достаточно крепкого телосложения. Решительная походка вразвалочку красноречиво свидетельствовала о её спортивном, скорее всего – легкоатлетическом, прошлом. Вошедшая выказывала полное отсутствие смущения. В голове у Майи мелькнуло: «Оторви да брось».

– Приветствую! – зыкнула Зося.

– Здравствуй, проходи, – поёжилась Вера.

Вошедшая поначалу не заметила присутствия своей двоюродной сестры и её мужа. А Эдуард при виде её поморщился. «Вот ещё одна верещалка, – подумал он. – Да к тому же ещё с полным набором противных качеств: хитрая, фальшивая, двурушная, завистливая и где-то даже подленькая. И ведь ограниченная, а шуму от неё – хоть отбавляй».

Он и Майя не могли забыть, как эти их родственнички, Зося и её мужёнок Люсик, делали всё для того, чтобы отговорить Эдуарда занять достойное место в солидной компании, где он сейчас и работал. Кроме того, эта парочка не могла скрыть своей зависти по отношению к Майе, довольно прилично устроенной в поликлинике. И это притом, что Зося прочно сидела в хай-тековой конторе своего родственника Коварского, а Люсик работал в крупной государственной строительно-проектировочной компании.

Но первую оторопь Майя и Эдуард испытали от общения с Зосей и Люсиком сразу же после своего приезда.

Майя, Эдуард и Ольга уезжали из России уже в девяностые годы, когда многие россияне стали позволять себе переписываться с родственниками и знакомыми, отбывшими ранее. До того страх быть уличёнными государством в контактах с эмигрантами парализовал людей. И вот незадолго до отъезда Майя списалась с Зосей, которая с семьёй уехала значительно раньше них, так что она и Люсик к тому времени были хорошо обустроены в новой среде – уже работали и имели свою квартиру. Зося очень сдержанно среагировала на письмо Майи, по-видимому, боясь, что по приезде родственники обременят её просьбами. Но всё же после того, как ответ был готов, приписала на единственной оставшейся свободной узенькой полосочке на последней странице: «Я рада, что вы едете». Майя и Эдуард усмехнулись, дойдя до этой приписки. Но всё же выбрали для проживания город, где осела Зося. Всё-таки какая-никакая, а родня!

А так получилось, что месяца за три до отъезда из России Майя случайно встретила знакомую, которая отбывала с семьёй буквально через несколько дней. Когда выяснилось, что направляются они в один и тот же город, эта женщина пообещала, что постарается арендовать для Майиного семейства жильё. И действительно к их приезду скромная квартирка уже ждала их! Майя и Эдуард были рады несказанно, хотя плата за аренду была достаточно высокой, дом старый и без лифта, этаж последний, а мебель практически отсутствовала. В первое время им пришлось даже спать на полу, на матрасах, которые притащили им сердобольные соседи из местных. На следующий после прибытия день Майя позвонила Зосе и описала ситуацию, а та сказала ей, что вечером они идут на торжество по случаю юбилея компании, где работает Люсик. И добавила, что, мол, как же не пойти-то: ведь это же в самом лучшем ресторане да задарма. И что приглашены туда были только избранные, да вот Люсику в последний момент досталось приглашение, предназначавшееся кому-то из заболевших. «А то и не иметь бы нам такой привилегии!» – ядовито выпалила она. И торопливо заявила, что по пути на эту церемонию они непременно заедут повидаться. Майя и Эдуард опешили. Они ведь ожидали, что Зося пригласит их к себе! Но самым удивительным оказалось то, что Зося и Люсик заявили с пустыми руками, да ещё и вместе с сотрудником Люсика и его женой, на машине которых они направлялись в ресторан. Войдя и лобызнув Майю, Зося отвела её в сторону и прошептала на ухо: «Мы уж с ними вместе, чтобы свою машину не гонять».

Стола в квартире не было, и Майя бросилась расставлять угощение на кухонной мраморной столешнице. А угощением еду, которая была выставлена, можно было назвать очень условно. Майя и Эдуард смогли себе позволить лишь белый хлеб и самую дешёвую колбасу, приобретённые в соседней с их домом лавке. Но на обшарпанной хозяйской тарелке красовались ещё и три банана, которые для Майи, Эдуарда и Ольги были тогда роскошью, но они поддались искушению купить себе их, по одному на каждого. Пришедшие завели какой-то трёп, не имеющий никакого отношения к приехавшему семейству, и быстренько расправились со всем, что было подано, включая бананы. При этом Люсик заявил, что колбаска очень даже ничего.

Покончив с харчами и болтовнёй, гости заторопились, а Зося, уходя, уже в дверях осклабилась и бравурно бросила хозяевам: «Подпрыгивайте к нам!» С тех пор это «подпрыгивайте» Майя и Эдуард слышали неоднократно, но приглашены на конкретные даты за все эти годы были только два раза, когда Зося по каким-то случаям принимала считанных родственников и приятелей у себя дома, выставляя при этом весьма скудное угощение. Но вот на празднования, отмечаемые в ресторанах, Майя и Эдуард приглашались непременно. «Для количества», – говорил Эдуард.

А спустя какое-то время после этого своего первого визита Зося сообщила по телефону, что Люсик через секретаршу своего начальника нашёл для Эдуарда работу в фешенебельном ресторане, где устраивали свадьбы очень обеспеченные люди. Работа эта заключалась в мытье

посуды. И Эдуард, хотя и не просил Люсика о такой любезности, отправился в это заведение и отрубил там неделю. Он, конечно, стыдился этого своего занятия и ёжился, когда наблюдал расфуфыренную публику, с важным видом фланирующую по заведению под живые звуки эстрадно-симфонического ансамбля. Но он мирился со своим положением, поскольку его в том помещении, где он работал, никто из гостей видеть не мог. Да к тому же, вместе с ним там трудились такие же, как он, эмигранты, в основном с высшим образованием. Они за гроши перемывали и затем перетирали полотенцами груды посуды, беспрерывно подносимой официантами. В первый же день чванливый тип из местных, бывший над Эдуардом начальником, спросил его, кто он по профессии. И опешил, услышав, что тот имеет учёную степень. А через неделю, во время очередного торжества, этот бригадир с ехидной улыбкой приказал Эдуарду выйти со щёткой, ведром и тряпкой в зал, где кто-то из гостей уронил на пол тарелку с едой. Эдуард категорически отказался и тут же был уволен. И этот случай сподвигнул его на более оперативные поиски работы по специальности. А Зося, возмущившись таким демаршем Эдуарда, сказала, что Люсик очень обижен на него, но что, тем не менее, у них на примете есть ещё одна подработка – быть на подхвате у садовника, который обустривает дворы жилых домов. Эдуард и слышать об этом не пожелал, чем опять же вызвал недовольство заботливой семейки. А уж после того, как у него, Майи и Ольги всё наладилось с работой, учёбой и жильём, Зося и Люсик напрочь потеряли к ним интерес.

По паспорту Зосин муж был Александр, но бабушка с дедушкой стали с самого начала называть его Люсиком, и имя это к нему прилипло. Был он кандидатом архитектурных наук, но здесь, в эмиграции, представлялся всем доктором архитектуры. В принципе, в отличие от России, здесь понятия «кандидат наук» нет, и люди, имеющие учёную степень, называются докторами. Но фальшь заключалась в том, что и выходцам из России он представлялся как доктор. И более того, врал всем, что в Союзе он был профессором. Только вот о чём он умалчивал, так это о том, что здесь он фактически занимал место проектировщика.

Криводушие в этой семейке было во всём. На людях Люсик изображал любовь к своей якобы ненаглядной Зосеньке, а она публично поддерживала этот миф, хотя, как подумал сейчас Эдуард, в силу своей ограниченности вполне могла и верить в искренность его чувств. И называл Люсик на людях Зоею не иначе, как Зосик. Люсик-Зосик. Идиллия! Но вот как-то раз в присутствии Майи и Эдуарда они сильно поскандалили по совершенно пустячному поводу. А ещё до Майи как-то донёсся слух, что Люсик очень даже погуливает.

Майя вспомнила, как однажды, когда она и Эдуард в числе других гостей оказались по какому-то случаю у этих своих родственников дома, Люсик, подвыпив, пригласил её танцевать. Она почувствовала тогда, какой он пластичный и как от него исходят токи! И во время танца он ещё и смущал Майю. Этот ловелас буквально пожирал её глазами, дышал ей в лицо и даже несколько раз коснулся её шеи своей бородкой! А в какой-то момент его рука скользнула с её талии вниз и крепко и жарко сжала её ягодицу! Зося же этого жеста не усмотрела, но оттого, что он танцует не с ней, пронзила его взглядом дрессировщицы. Мол, «Ко мне!», «Сидеть!», «Место!» И он шустро так оставил Майю, вприпрыжку подбежал к жене и с фальшиво-умильной улыбочкой вовлёк её в танец. А Зося ослабилась и, томно повиснув на муже, одаривала гостей победными взглядами. Люсик же присмирел, притих, чмокнул после танца жену в щеку и покорно начал подавать на стол и уносить посуду.

И больше за вечер, кроме «Зосенька», никто от него ничего и не слышал. А Зося за столом к нему прижималась и обволакивала любящим взглядом. Идиллию семейную изображала. Он же молча сидел рядом и рассеянно улыбался. Сама кротость! Но хорошо их знавшим было понятно, что такая вот избрана Люсиком тактика – подыгрывать Зосе, когда на самом-то деле всё равно ему – что есть она рядом, что нет её.

И вот сейчас Майя и Эдуард наблюдали, как Зося с осознанием важности выполняемой миссии, вплотную подошла к Вере и с притворной скорбью обратилась к ней:

– Верочка, дорогая, хорошая ты наша, прими ещё раз мои соболезнования!

А затем, даже не дождавшись реакции, она повернулась к Эмме и Дине с гримасой участия на лице:

– Привет, девчушки! Динулька, Эммулька, что же вы не подождали? Мне минут двадцать нужно было, чтобы закончить анализ. Как же вы, бедненькие, добирались?

– Да без проблем, – поморщилась Дина.

– Ну и ладушки, – отвернулась от них Зося.

И тут она заприметила Майю и Эдуарда.

– Боже мой! Майя? Эдик? Какими судьбами?

– Мы с Верой и с Петей дружили со студенческих лет, – холодно ответила ей Майя.

– Обалдеть! – сверкнули глаза у Зоей.

– Садись, помянем Петю, – мрачно обратилась Вера к пришедшей.

– Ой, сейчас достану то, что принесла, – засуетилась та.

Она стала выкладывать на стол содержимое своей сумки. Обнаружив какой-то непорядок, занегодовала:

– Господи, ну хоть бы мой Люсик что-то без моего присмотра мог сделать! Это же надо – положить кофе не в ту сумку! Как дашь задание, обязательно что-нибудь напутает. Просила же – кофе положить в красную сумку. Ну что за растяпа! В трёх соснах запутался. Видать, сунул в зелёную. Цвета не различает. Он же без меня пропадёт, чучело моё огородное!

Явно будучи довольна публично данной оценкой недотёпству Люсика и своей важной роли в их семейном союзе, она успокоила присутствующих:

– Ладно, кофе потом принесу.

И зычно призвала:

– Ну, давайте помянем нашего дорогого Петеньку!

Присутствующие переглянулись и, явно давя в себе чувство неловкости, вызванное несоответствием тона моменту, пригубили вина. Никто не произнёс ни слова, но Зося, не обратив на это никакого внимания, кокетливо промокнула уголки губ салфеткой и зычно сообщила:

– Я уверена, что Пете нанесли порчу.

– Кто? – удивлённо вскинула на неё глаза Вера.

– Недруги. Завистники.

– Я понимаю, был бы он баловнем судьбы, реализовался бы здесь... А то чему завидовать-то было? – почти с раздражением сказала Вера.

А Зося как будто бы этого и ждала. Она со вкусом стала повествовать:

– Люди всегда найдут, чему позавидовать. Вон с Люсиком моим что недавно приключилось. Ходит он в тренажёрный зал. Так вот, занимается как-то он на беговой дорожке и чувствует на себе чей-то взгляд. Обернулся, а там наш сосед. Из местных. Как глазами встретились, тотразулыбался, ручкой помахал. Ну, вы же знаете, как они нас любят! – ядовито ухмыльнулась она. – И что выдумаете? Нога вдруг у Люсика моего подвернулась. С трудом до дому доковылял. Повела я его к нашему целителю. Так тот определил, что на нём сглаз. Амулет велел носить.

Тут Зося пристально уставилась на Веру и тоном, не допускающим возражений, провозгласила:

– И Петю надо было сводить к экстрасенсу. Я же тебя, Вера, упрашивала, умоляла.

Вера отмахнулась:

– Зося, не надо. Петя и слышать не хотел. Да и какой смысл сейчас поднимать эту тему?

Тут Майя встала и обратилась к мужу:

– Эдик, пойдём, может быть?

Эдуард послушно торопливо поднялся, а Майя объяснила всем:

– Мы только что с дороги.

Зося встрепелась:

– Где были?

– В Питере. Родителей моих навестили. Впервые за то время, что мы уехали оттуда, – с трудом переборов себя, нехотя сообщила Майя.

– Ну и как съездили? – жадно полюбопытствовала Зося.

– Да всё нормально, – понимая неуместность этого разговора, отвернулась от родственницы Майя.

– Это главное, – фальшиво обрадовалась Зося.

И вдруг широко раскрыла глаза:

– Ой, кстати! Люсик завтра срочно уезжает в командировку, в Южную Африку. А чемодан сломался. Он ведь у нас ещё из Союза, видал виды. И купить некогда. Может, дадите попользоваться?

– Нет проблем, – заверил её Эдуард.

– Ну, такая сегодня же и подпрыгну, – по-свойски, без затей пообещала Зося.

Эдуард согласно кивнул, а Майя, не глядя на кузину, подошла к двери комнаты Марата.

– Надо позвать Оленьку, – обернулась она к Эдуарду. – Оленька! Мы собираемся уходить, – чуть подняв голос, произнесла она в направлении двери.

У Зоей от любопытства вспыхнули глаза:

– Ой, и Олечка здесь! Её, наверно, и не узнать.

В гостиную вышли Ольга и Марат, поздоровались с Зосей. Та осклабилась:

– Приветтики! Олечка, да ты совсем невеста! Ты меня помнишь?

– Шутите? – удивилась Ольга.

Зося жалобно захлопала глазами:

– Ну, слава Б-гу, значит, ещё не скукожилась до неузнаваемости.

– Оленька, мы с папой уходим. Поехали вместе с нами на машине, – резко остановила кокетничанье родственницы Майя.

– Нет, мама, я вернусь сама, позднее. Я ещё побуду, – просительно посмотрела на неё Ольга.

– Оленька, но ты же только что с дороги, а завтра тебе на занятия, – еле сдерживая раздражение, возразила мать.

Ольга потупила глаза:

– Нет-нет, поезжайте...

– Дочка, но и Вере с Маратом тоже надо отдохнуть, – с каменным лицом отчеканила Майя.

– Нет-нет, пусть Оленька ещё побудет, – попросил Марат.

– Пусть останется, – поддержала Вера.

– Ну хорошо, – сердито сузила глаза Майя. – Держись, Вера, – повернулась она к бывшей подруге. – Что ещё можно тебе сказать?

– Не нужно утешений, – поднялась с дивана Вера. – Любые слова излишни.

Майя и Эдуард ушли. Все продолжали сидеть какое-то время молча. Ольга и Марат вернулись в комнату, из которой вышли, и затворили за собой дверь. Зося немедленно нарушила молчание. Она кивнула в сторону гипнотизировавшей её комнаты, пронзила Веру любопытствующим взглядом и выдохнула:

– А что...

Она не успела закончить, потому что зазвонил домашний телефон, и Вера подняла трубку.

– Да, Ларочка. Да..., – всхлипнула Вера. – Да-да, я успокоюсь. Извините меня, – обратилась она к женщинам и, продолжая разговор, ушла к себе.

Дина, хорошо зная свою сослуживицу Зоею и совершенно не сомневаясь в том, что та намерена развивать и дальше тему взаимоотношений Ольги и Марата, решительно пресекла возможное течение разговора, перенесла акцент с пищи духовной на физическую. Вторая в данном случае была стопроцентно конкурентоспособной. В этом Дина нисколько не сомневалась. Она театрально причмокнула от удовольствия, откусив от ломтика принесённой Зосей выпечки, и потрафила своей сослуживице:

– Зося, ты купила очень вкусные пироги.

– Ещё бы, – обрадовалась та. – Я велела Люсику скатать за ними в эту дорогую кондитерскую, что в торговом центре. Я всегда только там беру. Деньги не обманывают. Как говорила моя бабушка, лучше немножко, но хорошего. Не понимаю я тех, кто покупает такие вещи на рынке или в русских магазинах. Я и мясо беру только парное и только в супермаркете. Да, я не стесняюсь признаться, что я из России уехала и для того, чтобы хорошо и правильно питаться. Я знаю толк в еде.

– Молодец, Зосик, – похвалила её Эмма. – Зося – любит – кушать, – иронично произнесла она с расстановкой.

– И кушать тоже. Вкусно, – отвернувшись, тихо сказала Дина.

– Не поняла, – нахохлилась Зося.

– Да что тут понимать? – хихикнула Эмма. – Это – как в букваре: «Зося – мыла – раму».

– Зачем же сваливать на Зоею? – повернувшись к Эмме, с деланной серьёзностью спросила Дина. – По букварю раму мыла мама.

– Слава Б-гу, ни я, ни моя мама рамы не моем, – гордо парировала Зося. – К нам приходят уборщицы.

Тут Дина не выдержала и просверлила сотрудницу колючим взглядом:

– Русские, конечно! Такие же, как мы. Наверняка ещё и с высшим образованием, но не такие везучие. Ты бы хоть к ним ярлык уборщиц не приклеивала.

– Знаешь, я об этом не задумываюсь, – вскипела Зося. – Я что, виновата, что мне Б-г голову дал, так что я могу зарабатывать умственным трудом? – важно посмотрела она на своих сослуживиц. – Способные люди пробиваются, – поставила она жирную и, как ей казалось, победную точку в этой своей отповеди.

– Да, конечно, – отчеканила Дина, – только вот Петя, способнейший из способных, пахал на этого Коварского.

Эмма съёжилась, учуяв непредсказуемое развитие начавшейся перепалки, и наигранно озаботилась:

– Ой, девочки, что с нами-то будет? Кто же будет работу направлять? Мы же с Петей забот не знали.

– Да, конечно, – процедила Дина. – По сравнению с Петей многие специалисты мелко плавают. А подчас и просто выглядят лаборантами.

– Конечно, Петя был умный, но зачем же так принижать себя? – сердито отодвинула от себя стакан с недопитым вином Зося. – У меня, например, институтский диплом. И я бы не стала характеризовать себя как лаборанта. Почему ты за всех расписываешься?

Дина застыла, но, спустя мгновение, с металлом в голосе бросила коллеге:

– Потому что надо смотреть правде в глаза.

– Да, у Коварского сейчас проблема, – дрожащими губами, явно всё ещё надеясь разрядить обстановку, пролопотала Эмма. – Петя умер, нашу заведующую аналитической лабораторией переманили в другую фирму. Кто же будет руководить работой? Генерировать идеи, как говорится.

– Эммулька, тебе их точно генерировать не нужно, – ехидно хихикнула Зося.

– Что ты язвишь? Не место и не время, – сжалась Эмма.

– Ты же сама начала, – повысила голос Зося, явно готовая к противостоянию.

– Да прекратите вы перебранку! – прикрикнула на них Дина. – Не грызитесь! Найдут тех, кто будет генерировать, тем более что нас скоро сократят.

– А с чего это ты взяла, что нас сократят? – подбоченилась Зося.

– Да я тебя и Эмму не имею в виду. Вы же на особом положении, – еле сдержала гнев Дина.

– На каком это особом? – задохнулась Зося.

– Не прикидывайся, – рубанула Дина. – Ты же его родственница, этого Коварского. У нас вообще почти все женщины по блату пришли. Выполняют лаборантскую работу. Прилей-отлей, пальцем в нужную кнопку ткни. Да любую с улицы можно этому обучить.

Произносила всё это Дина с побелевшим от возмущения лицом. А Зося выгнулась, как пантера, готовая к прыжку на доставшую её сослуживицу. Негодованию её не было предела. С перекошенными губами она гаркнула:

– Ты что, с цепи сорвалась? Да я на самых современных приборах работаю!

– Не смейся, – хохотнула Дина. – Всё это красиво звучит для непосвящённых. А фактически-то, что там делать? Рутинная работа. Приготовь раствор, залей его в ячейку и на клавишу нажми. Ведь любую из вас спроси, что означают сокращённые названия приборов, так и не скажете ведь. И более того, у вас навыки заменяют знания. Показали вам, как работать, вы по-русски в тетрадошки школьные записали, и от них ни на шаг. Кто из вас по книгам умеет учиться? А если сбой какой-то в работе, сразу к Пете бежали. Или ко мне. Это же как в быту. Включить и выключить телевизор может каждый. А вот объяснить, как он работает, а тем паче отремонтировать его – нет. Так что нечего кичиться своим высшим образованием, тихохонько надо сидеть. Вот Петя действительно глубоко разбирался во всём.

– Ну и ты, конечно! – с гневной гримасой проревела Зося.

Дина какое-то время молча смотрела на неё, явно беря себя в руки, а затем с трудно дающейся ей выдержкой сказала:

– Знаешь, негоже себя хвалить, но и я тоже. Химик-аналитик я по образованию. Работала в Союзе заведующей лабораторией. И не потому, что меня кто-то толкал. Я понимаю сущность процессов, разбираюсь в приборах. Но здесь я и ещё трое-четверо попали на эту работу волею случая, когда заказов в компании прибавилось. Так нас-то, не блатных, уже и предупредили об увольнении. Всех, у кого нет связей.

– Каких это связей? – чуть не опрокинула локтем стакан Зося.

– Настоящих, – вспыхнуло раздражение в глазах у Дины. – Это когда тебя всовывают туда, где нет места. Как книгу на книжную полку. Как бы плотно там тома ни стояли, всегда можно ещё один втиснуть. Ежели постараться. Ну, а если всё же уплотнить не удаётся, то какую-то книгу вынимают, а на её место ставят нужную. Вот так-то!

– Да успокойся ты – окрысилась Зося. – Если бы Коварский относился ко мне, как к родственнице, платил бы не такие копейки.

– Это копейки? – взорвалась Дина. – Как у тебя язык поворачивается? Многие мечтали бы иметь такую зарплату. Петя ведь получал не намного больше, чем ты!

Зося удивилась дремучей непонятливости коллеги:

– Ну так я же начала работать раньше, чем он!

– Ах, да, конечно, вы же с Петей на равных были, только что стаж разный! – театрально разведя руками, деланно согласилась Дина.

– Слушай, ты что, с левой ноги сегодня встала? Что это ты вдруг развыступалась? – гневно выпятила подбородок Зося.

– Знаешь, – сердито двинула по столу тарелку Дина, – меня всё равно увольняют. Достала ты меня. Да и не только меня. Ты ведь и нашим, и вашим! Изучила я тебя вдоль и поперёк! Лапонька ты наша! Добрая ты наша! Любишь-то ты как нас всех! Обращаешься не иначе как Эммулька, Ди-нулька, Галюнчик! Только вот не успевает дверь за Эммульками да за Галюн-

чиками затвориться, как ты их уже склонять начинаешь на все лады. И масла в огонь ух как подлить умеешь! И Петя ведь был у тебя Петюньчиком, пока в опалу не попал. А как разругался он с профессором, так ты зубки ему стала показывать, огрызаться. Что ты о себе возомнила? Все же есть предел, – нервно подалась назад вместе со стулом Дина. – Надо же уметь посмотреть на себя со стороны. Уж сегодня здесь-то хоть бы сдержалась. Мизинца мы ведь все Петиного не стоим.

Эмма во время этой Дининой тирады очень нервничала. Чувствовалось, что ей совершенно не хочется продолжения ссоры. А причина была банально проста. Её связывали близкие отношения с Саймоном, заместителем Коварского по внешним контактам. Эта связь ими скрывалась, но все прекрасно знали, в чём причина привилегированного положения Эммы, не отличавшейся какими-либо талантами. Так вот, она держала в себе то, что по секрету узнала сегодня от Саймона. А именно, что Дину не только не уволят, но и повысят в должности – назначат руководителем аналитической лаборатории, то есть сделают её и Зоей начальницей. Знала она и то, что ни Дине, ни Зосе это неизвестно.

Эмма сделала виноватое лицо и елеинно обратилась к Дине:

– Дин, я могу понять твоё состояние. И, кстати, лично я и не обиделась на то, что ты сказала. Да, и тетрабочка школьная у меня есть. И к Пете, и к тебе за помощью обращалась. Спасибо.

Тут уж Зося смолчать не могла.

– Что касается увольнений, то что же тут можно сделать? – рявкнула она в сторону Дины. – Ещё раз скажу, что мы с Эммой раньше всех начали работать. И вообще, дело даже не в этом, а в том, что мы выполняем работу на уровне.

Тогда Эмма снова попыталась выполнить свою миротворческую миссию.

– Зосенька, – ласково проговорила она, – ну кто же спорит, что ты способная? И зарплату тебе поднимут.

– Да, она способная, – нервно застучала пальцами по столу Дина. – Любезная такая, с кем надо. И добрая. И щедрая. И образованная. Оперу «Манон Лескова» очень любит, фильм «Служебный роман»...

У Зоей зло сверкнули глаза:

– А что тебя не устраивает?

– Только не думай, что твой культурный уровень, – желчно усмехнулась Дина. – Это меня мало трогает. Но вот показушная ты и лицемерная. Знаешь, перед кем поплакаться, а перед кем щедрюю из себя соорудить. Мимикрируешь по обстоятельствам. Вон как распелась перед нами – пироги ты покупаешь в самой дорогой кондитерской и мясо только парное в супермаркете! Где уж нам! Не чета мы тебе! Только шушукаются, что обрезками колбасы и сыра ты не брезгуешь.

– Нечего тень на плетень наводить! Не придумывай! – взвизгнула Зося.

– Если это и придумано, то не мной, – просверлила её колючим взглядом Дина.

– Да ты зенками-то не сверкай! Кобра! – дошла до крайней ярости Зося.

– Почти в точку, – с деланным спокойствием отпарировала Дина. – Я – Скорпион. А этот знак Зодиака обид не прощает. У меня ведь поначалу сложилось о тебе обманчивое впечатление, что ты действительно душа нараспашку. Ну а потом раскусила я тебя. Забыть не могу, как когда я обмолвилась, что в киоске на рынке можно купить очки китайские для чтения буквально за гроши, ты меня на смех подняла. Поучать стала, что со зрением не шутят и на этом не экономят. Ну я и пошла, дура, заказала себе за бешеные бабки в «Оптике».

Зося соорудила слащавую гримасу:

– Так тебе же в подарок ещё и солнцезащитные дали.

– Да не смеши ты, – сердито хохотнула Дина. – Знаем мы эти подарки. А ты как бы со смехом у меня выведала, где на рынке этот киоск с очками, и через какое-то время там отоварились. Вот вся ты в этом. Но Эмма права. Получишь ты свою прибавку к зарплате.

– Конечно, Зоська, – миролюбиво встряла Эмма. – Вот я же получила.

Зося почувствовала облегчение, поняв, что совершенно неожиданно подвернулся шанс перевести удар на Эмму. Зло прищурившись, она прошипела:

– Ну мне до тебя далеко. Нет у меня таких способностей.

– О чём это ты? – довольно фальшиво захлопала глазами Эмма.

Она, конечно же, допускала, что её связь с Саймоном не является секретом для её добрых сотрудниц. Потому что сама всё обо всех ведала. И более того, с удовольствием участвовала в пересудах. Но ведь сейчас это касалось её... И, естественно, первой реакцией и было сыгранное недоумение... Но в следующий же момент она приумолкла, потому как почувствовала, что краска заливает лицо.

И Зося, внутренне ликуя, отвернулась от сконфузившейся коллеги и проворковала:

– Замнём для ясности.

Тут уж Дина не преминула нанести Зосе очередной удар:

– Ух ты, деликатная ты наша! Стеснительная!

Зося резко развернулась в сторону доставшей её сослуживицы:

– Да заткнись ты!

– Ну вот, – колко ухмыльнулась Дина, – а ещё несколько минут назад я у тебя Динулькой была! И из-за Эммульки ты так переживала, что не подвезла её! А сейчас про её способности особые вспомнила.

Зося яростно поджала губы, а Эмма осуждающе покачала головой и сквозь зубы буркнула:

– Змея ты, Зоська...

Все три на какое-то время утихли, отвернувшись друг от друга. Но, понятное дело, Эмме негоже было конфронтировать ни со своей потенциальной начальницей Диной, ни с родственницей Коварского Зосей. И она пересилила себя и примиренчески обратилась к доставшим её дамам:

– Так, девки, довольно кипятиться. Дуться друг на друга. И перед Верой неудобно. Ну-ка забыли всё! Нам же вместе жить. Мало ли что бывает? Надо сглаживать острые углы.

– А я, между прочим, не Скорпион. Зла не помню, как некоторые, – проворчала Зося.

– Забыли – так забыли, – пожала плечами Дина. – Нам ничего другого не остаётся. Да мне и недолго с вами быть осталось.

Снова наступило тягостное молчание, которое на этот раз нарушила Зося:

– Так, может приготовить кофе, который Люсик купил? Какой-то новый, разрекламированный.

Эмма и Дина молча дали понять, что не возражают.

– Сейчас принесу из машины, – виляя задом, покинула квартиру Зося.

– Ну и достала она меня, – брезгливо покачала головой Эмма. – Молчала я, как рыба, но сейчас после всего этого имею полное право раскрыть рот. Не могу прийти в себя от того, чему совсем недавно стала свидетельницей. Я в шоке! Хотя, в принципе, для нас с тобой тут особенно и нового-то ничего нет. Просто достоверный факт.

– Что случилось-то? – скосила на Эмму глаза Дина.

– Отправилась я до работы делать анализ крови, – почти шёпотом начала Эмма. – Пришла в поликлинику до открытия, но охранник пустил меня внутрь, знает он меня. Холодно было. Ну вот, стою я в предбаннике у стеклянной входной двери и вдруг вижу – подъехала машина. Внутри мужик с бабой. Я присмотрелась и потеряла дар речи. Дядьку узнала.

– Это был Усама бен Ладен! – язвительно прищурилась Дина.

– Если бы! – хохотнула Эмма. – Я бы прикончила его на месте и стала бы миллионершей. Эмма сделала интригующую паузу и победно закончила:

– Это был Люсик! Но только вот дамочка – не Зоська.

Дина едко поджала губы:

– Ясненько.

– Так вот, – торжествующе просияла Эмма, – вижу – он и его пассия слились в поцелуе, а она после этого выскочила из автомобиля и – тоже в поликлинику. А Зоськин-то с места рванул, и только его и видели. Ну как тебе?

– Не слабо! – передёрнула плечом Дина.

– Так мало того! – не унималась Эмма. – Зоська же, когда я пришла после этого на работу, ещё мне и рассказала, что Люсик у неё в командировке, в однодневной, и что, мол, мучается, бедный, в какой-то задрипанной гостинице. А представляешь, ежели бы знала?

– По стенке размазала бы, – брезгливо склонила голову набок Дина.

А Эмма вошла во вкус и продолжила со смаком живописать подробности измен Люсика, которые ей были известны из разных источников.

– Да, дела... – выслушав, заключила Дина. – А знаешь, с одной стороны, Зоське можно посочувствовать по поводу блядства этого её Люсика, а с другой.... Злобная она. Да ведь и такая самодовольная. Пустая, но с претензией. Вон какую важность на себя напускает на работе! И шума от неё как от отбойного молотка.

– Ой, Дин, ну ты прямо в точку!

– Так ведь так оно и есть! А Люсик этот её – дрянь! – презрительно сплюнула сквозь зубы Дина. – Только вот Зоська – та ещё простофиля! Как можно ничего не видеть у себя под носом!?

«Дура, – подумала Эмма. – А ты у себя под носом видишь? Ещё непонятно, кто большая простофиля – ты или Зоська. Зациклилась на своей работе!»

А дело было в том, что Динин муж Леонид тоже ещё как погуливал! Только Дина ведать не ведала об этом, равно как и Зося о беспутстве своего Люсика. Ну а Эмма, обо всём давным-давно пронюхавшая, конечно же «по секрету» с упоением сообщала Зосе пикантные подробности Дининой семейной жизни. Зося же при этом морализировала точно так же, как и Дина сейчас по поводу неё самой: «Вот дрянь этот Лёнька! Но Динка-то та ещё бестолочь! Ни хрена под носом у себя не видит».

Дамы не успели больше ни о чём посудачить – вернулась Зося с упаковкой кофе.

– Так, момент, – деловито предупредила она сослуживиц и напрямиком направилась на кухню готовить питьё.

Через мгновение из кухни послышался её голос:

– А дома Люсик мне кофе в постель приносит, на подносе с салфеточкой доставляет. Он у меня аккуратист!

Дина с Эммой переглянулись.

– Счастливая ты! Любит он тебя, – с чувством отреагировала Эмма.

– Да вот! Не жалуемся, – гордо возвестила Зося. – Постоянно признаётся мне в любви. Лучше тебя, говорит, нет.

– Молодец, воспитала ты его, – подмигнула Эмма Дине.

– Что значит, воспитала? – возмущённо провозгласила из кухни Зося. – Это у него от сердца. Он во мне души не чает. А вообще, конечно, я Люсику всегда говорю, что люблю хорошее отношение и ласковые слова.

– Оригинально, – едва слышно пробурчала Дина.

– Ты что-то сказала? – опять раздался Зосин голос. – Я не расслышала.

– Тебе показалось, – не захотела связываться с ней Дина.

– А вообще, я вам скажу, мужиков надо держать в ежовых рукавицах, чтоб послушными были, – осклабилась Зося, внося в комнату кофейник.

Она разлила кофе по чашкам, и все сели к столу. Начали пить. А Зося упоительно продолжала:

– Жена должна быть взыскательной по отношению к мужу. Это я теоретически, не про Люсика. Он у меня домашний. Тут мне беспокоиться нечего. Помню, в Союзе выделили ему путёвку в Трускавец, в санаторий. С почками у него была проблема. Как он ехать не хотел! Другие мужики рады были бы вырваться. А мой всё повторял: «Как я там, Зосенька, без тебя буду?». Еле я его уговорила. А потом он мне чуть не каждый день звонил оттуда! Скучал жутко. Говорил, что если бы там не было теннисного корта, он сошёл бы с ума. Девчонки, а какие подарки он мне оттуда привёз! Специально во Львов ездил. Выбрал всё самое модное. Я тогда-то и поняла, как он меня любит!

Эмма еле сдержалась, чтобы не расхохотаться. Она-то знала, что тогда, в Трускавце, Люсик оторвался по полной. Шуры-муры у него там такие закрутились, что он потом в Подмоскowie командировки себе устраивал, к крале своей ездил из Москвы. И подарки Зоське привозил для отвода глаз сначала из Трускавца, а потом и из этого самого Подмоскowie.

– Ты уж так его в глаза хоть не хвали. Зазнается, – изобразила на лице участие Эмма.

– Не дадим! – чванно ответствовала Зося. – Я, девчонки, до того думала, что он ничего и не понимает ни в косметике, ни в бюстгальтерах, ни в кофточках. А тут такое понавёз! Сказал, что советовался с продавщицами. А потом во вкус вошёл. Началась у них какая-то срочная важная работа, и стали его вызывать в Подмоскowie, в какой-то там институт. Помню, как он, бедный, мотался туда чуть ли не по два раза в неделю! Так мне его жалко было! Но зато он меня задарил прямо. Такие шмотки привозил! Загляденье! Мы ведь в Москве жили. А в Подмоскowie иногда шмотьё-то лучше можно было найти. А в командировки его почти одного и отправляли. Потому что он у меня очень хороший архитектор. И здесь его на руках носят. Вон в Южную Африку посылают, у них совместный проект.

– Способный человек. Во всём! И настоящий интеллигент, семьянин! Не то, что прощелыги всякие, – притворно закатила глаза Эмма.

– Не жалуемся! – кокетливо поправила причёску Зося.

В этот момент у неё зазвонил телефон. Начав слушать, она помрачнела и вдруг заголова:

– Что? Ну я же тебе говорила, что нужно теплее одеваться. Всё форсишь. Опять школу пропустишь. Сейчас приеду.

Зося в сердцах отключила телефон.

– У моей младшей опять ангина, – сообщила она. – Поехала. Забот полон рот. Маришку лечить, Люсика в Южную Африку собирать. К Майке с Эдькой ещё вот подпрыгнуть надо, чемодан хапнуть.

Зося костяшками пальцев звучно постучала в дверь комнаты Веры. Та вышла, продолжая разговаривать по телефону.

– Верочка, я ухожу, – полезла целоваться Зося.

– Ларочка, секундочку, – проговорила Вера в трубку, отодвинулась от Зоей и сказала ей: – Посиди ещё.

– Нет, – вцепилась та в плечо Веры. – Дел неупротор. Люсика мне надо в командировку собирать. За чемоданом к Майке с Эдькой подпрыгнуть. Крепись.

Зося опять облобызала Веру:

– Ладно, побежала.

После ухода Зоей Вера снова ушла к себе. Дина и Эмма какое-то время молчали, не глядя друг на друга. И вдруг зазвонил телефон у Дины.

– Да-да, я, – ответила она. – Алло! Алло! Разъединилось, – повернулась она к Эмме.

– Кто это? – насторожилась та.

– Сам Коварский, – растерянно вытянула губы Дина. – Не к добру. Наверно, хочет известить, что с завтрашнего дня уже не работаю. Вот блин! Опять мыкаться придётся.

– Да что ты заранее беспокоишься? Может, наоборот, должность повыше предложить хочет? – угодливо разулыба-лась Эмма.

– Не издевайся, – разозлилась Дина, но тут же что-то смекнула и вопросительно посмотрела на коллегу.

Эмма сконфузилась и начала было что-то лепетать, но в этот момент телефон зазвонил снова.

– Да, разъединилось, – поспешно произнесла Дина в трубку. – Настроение? Что вы имеете в виду? Готова ли работать дальше? Вы же понимаете, что я могу дать только положительный ответ. Но я же получила уже уведомление о предстоящем увольнении. Как не обращать внимания? Что? Это так неожиданно. Честно говоря, у меня кругом идёт голова. Спасибо. Думаю, что справлюсь. Да, сейчас приеду. До свидания.

Дина отключила телефон и испытующе посмотрела на Эмму:

– Ты знала?

– Ты о чём? – ненатурально захлопала та глазами.

– Да не притворяйся, – разозлилась Дина. – Теперь-то я понимаю – знала ты, что мне предложат должность заведующей аналитической лабораторией.

– Ну, Саймон на что-то такое намекал...

– Ах, намекал? – вскипела Дина. – Ну да Б-г с тобой. В принципе, я тебя понимаю, он же просил тебя молчать. Ты только в последний момент показала, что знаешь. Ну да ладно. Это хорошо, что ты умеешь держать язык за зубами. Мы с тобой сработаемся.

– Поздравляю! – возликовала Эмма. – Кстати, Саймон интересовался моим мнением. Я отозвалась о тебе положительно.

– Не забуду, – холодно произнесла Дина.

Появилась Вера, и Эмма радостно протараторила:

– Верочка, пока вы разговаривали, Дина получила предложение от Коварского возглавить аналитическую лабораторию.

– Поздравляю вас, Диночка, – искренне обрадовалась Вера. – Я уверена, вы справитесь и будете пользоваться уважением подчинённых. Петя о вас очень хорошо отзывался. Только будьте благоразумны. Вы же знаете, что за тип этот Коварский. Так что держитесь.

– Ничего другого мне не остаётся, – кивнула Дина. – Не знаю, правда, на сколько меня хватит. Эмма, пойдём. Пусть Вера отдохнёт.

– Да, отдохните, Верочка, – обволокла Веру томным взглядом Эмма. – И помните, что мы с вами. Будьте здоровы.

– Спасибо, девочки. До свидания, – устало попрощалась Вера.

После ухода женщин в гостиную вышли Ольга и Марат.

– Мама, все разошлись, ты бы отдохнула, – обнял Веру сын.

– Да, я, пожалуй, прилягу, – согласилась она.

Вера задержала взгляд на Марате и Ольге, так что те засмутились. А потом улыбнулась и ушла к себе в комнату.

Молодые люди присели на диван. Марат обнял девушку. Какое-то время они безмолвствовали, а потом Ольга нарушила молчание.

– Узнала я сегодня об этом Коварском. Боже мой, сколько грязи на этом свете! Как мне жалко твоего отца! Марик, дорогой, ты знаешь, у меня такое ощущение, что я потеряла близкого человека.

Если бы Ольга знала, как она права!

– Хорошая ты моя девочка, – ещё сильнее притянул её к себе Марат. – Умная ты моя. Любимая, дорогая. Как хорошо, что ты рядом со мной. Нам с мамой очень тяжело, и спасибо тебе, что ты не ушла. Твоя мама так настаивала. Мне вообще показалось, что ей не очень нравится, что мы вместе. Будто не ко двору я...

– Марик, не обращай внимания. Я, правда, сама не совсем понимаю, почему у неё такая реакция. Впрочем, мама, видимо, устала. Дорога сказалась.

И тут вдруг Ольга встрепенулась и сказала, что она перепутала даты и ей срочно нужно ненадолго навестить в университет.

– Я тебя подвезу, – вскочил Марат.

– Нет, нет, останься с мамой. Я поймаю такси.

– Оленька, родная, возвращайся поскорей, – ласково посмотрел на неё парень. – Я люблю тебя.

– Маричка, ну конечно. Я мигом. Я тоже очень люблю тебя, – обмякла она в его объятиях.

Поцелуй был долгим и страстным. Оторвавшись от Марата, Ольга смущённо поспешила к выходу.

3

А Майя и Эдуард тем временем уже добрались до дома. Они вышли из машины, но при закрытии дверей обнаружился сбой в сигнализации, и Эдуард остался, чтобы выяснить, в чём дело. Майя же поднялась в квартиру. Она была так возбуждена, что даже не закрыла до конца входную дверь. Первое, что она сделала, – это немедленно набрала номер своих родителей в России.

– Да, мамочка, – скороговоркой начала она, – я только что переступила порог и сразу же тебе звоню. Эдик остался у машины. Какая-то неисправность. Мамочка, я не могла там, у Веры, сказать тебе самого главного. У меня возникла жуткая проблема. Ты же знаешь, что Оленька встречается с парнем. Да, с Маром. Так мы же, олухи, пустили это на самотёк. В чём дело? А в том, что он – сын Веры, Марат! Кошмар! Мне только этого не хватало! Понимаешь, какая каша заварилась?

В это время Эдуард, увидев, что дверь приоткрыта, вошёл в квартиру. И уловил, о чём говорит Майя. Он замер и начал прислушиваться.

– Она привязалась к нему, – сбивчиво продолжала Майя. – Бедная девочка, если бы она знала, что это зов крови. Что она его сестра. Я просто в отчаянии. Как мне разорвать их отношения? Я сломала голову. За что мне всё это? Надо же было случиться такому, чтобы эта напасть настигла меня здесь, в другой стране! Господи, я схожу с ума! Да о чём ты говоришь? Какие доводы? У них очень серьёзно. Это рок! Рок! Мамочка, я больше не могу говорить. Не хочу, чтобы Эдик слышал, что я обсуждаю это с тобой. Нет-нет, давай в другой раз. Я тебе позвоню. Нет, нет, давай закончим. Целую.

Майя положила трубку, плюхнулась на диван и обхватила голову руками. Эдуард с шумом закрыл дверь, чтобы создалось впечатление, будто он только что вошёл.

– Ну и денёк. Кто бы мог подумать? – сказал он.

– Не говори, – растерянно согласилась Майя. – Ты голоден?

– Не беспокойся, – жестом дал понять жене Эдуард, что она может продолжать сидеть.

– У нас же шаром покати, – вымученно выдавила она из себя.

Эдуард вздохнул:

– Да, придётся поехать в магазин...

– Конечно, но у меня сегодняшние события отняли все силы, – прикрыла глаза Майя. – Ты знаешь, я должна прилечь хоть ненадолго. Голова разболелась. Отдохни тоже, а потом уж отправимся за продуктами.

– Иди, приляг, конечно, – кивнул Эдуард.

Майя поспешно поднялась и удалилась в спальню.

«Она тоже думает, что Марат мой сын? – овладело недоумение Эдуардом. – И никогда не подавала вида? Уму непостижимо».

Знал бы он правду о своей неспособности иметь детей, скрытую от него Майей!

Раздался звонок в дверь. Эдуард с удивлением направился открывать. Вошла Ольга.

– Буквально следом за нами, – оторопело воззрился на дочь Эдуард. – Мы же могли приехать все вместе на машине.

– Я и не хотела уходить, но потом вдруг вспомнила, что мне нужно в университет. Даты перепутала.

– Ну как ты, дочка? – застыл вопрос в глазах у отца.

– Устала. Слишком много всего для одного дня.

– Да, мама тоже свалилась. А нам ещё в магазин. В холодильнике пусто. Ты голодна?

– Да не очень, – помотала головой Ольга. – После тех пирогов.

– Ну как Мар? – внимательно посмотрел на неё Эдуард.

– Ему безумно тяжело. Он очень любил отца. Говорит, что это был необыкновенный человек. И они были крайне близки. Папа, а почему вы отделились друг от друга? Вы ведь дружили.

– Да, Оленька, Петя был действительно незаурядным человеком. И в студенческие годы не было ближе нас. Но жизнь непредсказуема. У неё свои жестокие правила. Оленька, похоже, у вас с Маром серьёзно?

– Да, папа, более чем, – зарделась дочь.

Она помолчала и вдруг продолжила решительно:

– Мы любим друг друга. И не мыслим жизни друг без друга. Я надеюсь, ты относишься к этому с пониманием? Мама вот почему-то настроена категорически против. Я не могу взять в толк, почему? Марик – умный, порядочный и очень серьёзный парень. Из семьи, которую вы хорошо знаете. Мамина реакция мне совершенно непонятна.

– Мама просто устала. Голова разболелась, – растерялся Эдуард.

Майя всё это время прислушивалась к разговору в гостиной. Поняв, что происходит, она вышла из спальни.

– Оленька, – сказала она, – у меня действительно очень болит голова. Но дело не только в этом. У меня душа не на месте. Ты ведь ещё совсем ребёнок. Только что начала учиться на медицинском факультете. Ты очень способная девочка, и я боюсь, что это твоё увлечение помешает тебе получить образование. Выбрось это всё из головы.

– Мама, ты понимаешь, о чём говоришь? – опешила Ольга. – Ты же сама мне всегда внушала, что для каждого человека главнее всего найти достойную пару. И особенно для женщины. И вдруг ты так противишься моему выбору. Почему?

– Во-первых, не надо отвечать мне так запальчиво, – холодно посмотрела на дочь Майя. – А во-вторых, я же тебе уже объяснила, почему. И, самое главное, вы же знакомы с Маратом без году неделя.

– Мама, но ты же сама всегда повторяешь, что можно жизнь прожить и не узнать человека. Поверь мне, Марик – надёжный друг, на него можно положиться. Я уже достаточно сформировавшийся человек, и я понимаю, что к чему. Мама, мы не можем друг без друга. Это любовь. Понимаешь, любовь! Ты же знаешь, что это такое?

– Я надеюсь, ты ещё не наделала глупостей? – категорично остановила поток сантиментов Майя.

– Что ты понимаешь под глупостями? – вспыхнула дочь.

– Ты прекрасно меня поняла, – резко ответила мать.

– Мама, по-моему, ты переходишь границы допустимого, – задрожали губы у Ольги. – Извини, но я не могу вести с тобой этот диалог. Я даже не думала, что у тебя столь устаревшие представления об отношениях между по-настоящему влюблёнными парнем и девушкой.

– Ты не абстрактная девушка, а моя дочь, – отчеканила Майя. – И я не могу допустить, чтобы ты поступала опрометчиво.

– Мама, ты знаешь, я очень устала, – сделалось каменным лицо у Ольги. – Я не могу продолжать сейчас этот разговор. Скажу только, что мы с Маром решили пожениться. Просто должно пройти какое-то время после смерти его отца.

Она повернулась к Эдуарду:

– Папа, дай мне, пожалуйста, ключи от машины. Мне нужно съездить в университет.

Майя застыла, а Эдуард взмолился:

– Дочка, ну неужели это так спешно? Сегодня и без того тяжёлый день. Нельзя же рываться на части.

– Нет-нет, папа, мне нужно обязательно. Я ненадолго. Одна нога здесь, другая – там.

Эдуард растерянно посмотрел на онемевшую жену и протянул дочери ключи:

– Пожалуйста, осторожно... У тебя же голова забита другим...

– Не беспокойся. Тут рукой подать.

Ольга зашла ненадолго в свою комнату и бросила, уходя:

– Я скоро вернусь.

Майя и Эдуард какое-то время молчали, не глядя друг на друга. Эдуард заговорил первым.

– Я ничего не понимаю, – пытливо посмотрел он на жену. – Может быть, ты объяснишь, в чём причина твоего беспокойства?

– Я всё сказала, – сердито буркнула Майя.

– Но не мне и не Оленьке, а своей маме. Я слышал.

Майя изменилась в лице:

– Что ты слышал?

– Что Оля и Марат – брат и сестра.

Майя опустила голову.

– Ты никогда и вида не подавала, – выпалил Эдуард. – Ну так знай, что Марат – сын Пети. И успокойся.

Майя внутренне хмуро усмехнулась. Как она могла сомневаться в том, что Марат – сын Пети!? И она лишь молча исподлобья посмотрела на мужа.

– Ну что же ты молчишь? – не выдержал он.

Тут зазвонил телефон, и Эдуард нехотя поднял трубку.

– А, Зося! – пробухтел он. – Да, конечно. Заезжай. До свидания.

– Зося, – объявил он Майе. – Уже едет за чемоданом.

Майя обрадовалась этому звонку недолюбливаемой ею двоюродной сестры! Ведь предстоящий визит Зоей избавлял её от продолжения нежелательного диалога с мужем. И она произнесла с деланным раздражением:

– Только её сейчас не хватало. Всё разбросано, еды нет. Давай хоть вещи перенесём в нашу комнату. И надо же чемодан подготовить для неё.

– Майечка, ты мне не ответила...

– Эдик, давай не сейчас... Зося может появиться с минуты на минуту.

Эдуард пожал плечами и начал вместе с Майей наводить порядок в гостиной.

– Зося – молодец, – заговорил он, чтобы как-то разрядить становящееся непереносимым молчание. – Пристроилась в этой фирме, у своего родственника Коварского. Работа спокойная, не изнуряющая. Видно, что она очень довольна. А ведь финтит. Неужели боится, что сглазим?

Майя молчала.

– Да и Люсик её – хоть куда, – недоумённо глядя на жену, неуверенно продолжил Эдуард. – Видимо, хороший специалист... Вот в командировку его посылают в Южную Африку...

Майя безмолвно продолжала сноваť по комнате.

Раздался звонок в дверь. Эдуард пошёл открывать. Вошла Зося.

– Привет лягушкам-путешественницам, – бодро с порога изрекла она.

– Да уж. Такие мы, – вяло отреагировал Эдуард.

– Проходи, – сухо пригласила Майя.

Ей при всей её ненаблюдательности и при всём том, что творилось сейчас в её душе, бросилась в глаза жуткая невзрачность одежды, в которой заявила к ним Зося. А ведь у Веры сегодня она была в ярком щегольском и, по-видимому, весьма дорогом костюме. С иголочки. Да и на ногах у неё там красовались элегантные вечерние туфли. «Что это она вырядилась не соответствующе моменту?» – подумала тогда Майя, но тут же вспомнила, как однажды Зося сказала ей, что на похороны и на поминки надо одеваться даже лучше, чем в театр. Потому что там намного больше знакомых, а само печальное мероприятие – это только повод для того, чтобы себя показать и на других позырить. А сейчас вот она напялила на себя задрипанные чоботы, заношенную кофту и какие-то жёваные брюки. Майя же со студенческих времён, равно

как и все инязовки, в любых обстоятельствах не позволяла себе быть одетой небрежно. Она поморщилась от вида родственницы и остановила на ней уничижительный взгляд. Та слегка сконфузилась и хотела было открыть рот, но тут Эдуард обратился к ней:

– Так долго с тобой не общались, а сегодня пришлось вот при таких печальных обстоятельствах...

– Да, бедный Петя, – коротко бросила Зося. – Ну что за чудеса такие? – тут же перешла она к интересующей её теме. – Как можно было не выяснить раньше, что нас связывает что-то общее?

– Да уж, на тебя это вообще не похоже, – холодно проронила Майя.

– Что ты всё злыдничаешь? – с вызовом посмотрела на неё Зося. – Как с тобой трудно разговаривать! Эдик, как ты её терпишь, мою сестру?

– А с чего ты взяла, что ему приходится меня терпеть? – вскипела Майя.

– Шутка! – едко выпалила Зося.

– Девочки, довольно, – укоризненно остановил перепалку Эдуард. – Вы же так давно не виделись. Расскажи, Зося, лучше, как у тебя дела?

– Устаю на работе, как собака, – начала жаловаться она. – Гну горб. Вздохнуть некогда. Возвращаюсь домой еле живая. Надоело. Всё бы бросила к чёртовой матери! Так и дома нагрузка! Порядок навожу, убираюсь. Уберёшься ведь – какая красота! Сядешь усталая в кресло – душа радуется. Люблю в чистом посидеть! Но долго ведь расслаиваться не получается. Дел невпроворот. Телевизор некогда посмотреть. Он в зале гремит, а я его из кухни задницей слушаю.

– Куда твоя сноровка делась? Ты же была такая проворная, – ухмыльнулся Эдуард.

– Годы дают себя знать, – тоскливо поджала губы Зося.

– На комплимент напрашиваешься? – исподлобья посмотрела на неё Майя.

– Да какой комплимент? – сделала совсем печальное лицо родственница. – Я уж на себя рукой махнула. Мне вон в голову недавно пришло, что жизнь летит, как бельё сохнет. Хочешь, чтоб быстрее высохло – подходишь, проверяешь, а оно всё влажное. А потом отвлечёшься на другие дела – глянь, а оно уж и пересохло. Так и мы. В юности всё подгоняем время. А потом заботы засосут, и вдруг – на тебе, старость.

– Круто ты с бельём сравнила, – удивлённо поднял брови Эдуард.

– Вот ты сейчас опять скажешь, что я злобствую. Но зачем же ты лукавишь? Всё бы бросила! Гну горб! – сердито передразнила Зою Майя. – Так ты его гнёшь, потому что боишься потерять это место! Ты же действительно хорошо устроена. Многие и мечтать о таком не могут. Тут же масса достойных людей просто страдает, не найдя ничего, кроме тяжёлой неквалифицированной работы.

– Знакомая песня, – всплеснула руками Зося. – А я вот вижу, что все мои соседи пристроились. Вон справа от нас живут. Оба – врачи, подтвердили свои советские дипломы.

Слева от нас – тоже работают, на этом заводе, забыла, как он называется, ну где что-то с текстилем связано. Да вы знаете, что я имею в виду.

Эдуард недоумённо посмотрел на Зою:

– Да, но там же дисциплина палочная и платят минимум.

– Да, говорят, – согласилась Зося. – Но я в таком случае не понимаю, откуда у людей такие возможности? У этих наших соседей и жильё прекрасное, и недавно ремонт такой отгрохали, что я себе позволить не могу, и машину сменили.

– А сколько прозябающих? – рассердилась Майя. – Тех, что не по соседству с тобой? И вообще, все же живут по-разному. Может быть, эти твои соседи во многом себе отказывают, экономят на всём, в том числе и на еде. Может быть, для них быт – это главное.

– Да, для многих внешние атрибуты преуспевания очень важны, – продолжил мысль жены Эдуард. – Машина подороже, украшения. Людям тогда кажется, что они дотянулись до действительно преуспевших. Тут уж ничего не поделаешь.

– Вот именно! – резанула Майя. – У каждого свои идеалы. Вот мы, например, с Эдиком предпочитаем поехать за границу, мир посмотреть, а не вкладывать в быт.

Лицо у Зосей перекосилось завистью:

– Да уж, наездили вы тут. Не то, что мы с Люсиком.

– Ну что ты всё завидуешь! – злобно, по своему настроению, покачала головой Майя. – Вы же оба работаете. И я думаю, не на минимуме сидите.

– Да с чего ты взяла, что я завидую? – захлопала глазами Зося. – Я просто сказала. Что ездите. Что молодцы. А ты, что никогда никому не завидуешь?

– Нет, не завидую, – отрезала Майя. – Мне ещё бабушка внушила, что борьба с завистью определяется тремя словами: сложно, можно, нужно.

Зося оживилась:

– Теория хорошая. А вот Люсик мой считает, что зависть – это чувство хотя и позорное, но вполне естественное. Ха-ха, он говорит, что единственный, кому нельзя позавидовать – это ёршик для унитаза. Не хотел бы, говорит, я оказаться на его месте.

– Люсик твой – прелесть! – хохотнул Эдуард. – Во всех отношениях. Вот в командировку сейчас отправляется, в Южную Африку. Признают его как специалиста. Молодец!

– А толку? – опять перешла на жалобный тон Зося. – Лучше бы они ему зарплату подняли, чем по командировкам-то гонять. Эти поездки только в непредвиденные расходы вводят, дырку в бюджете делают.

– Господи, ну что ты за человек? – вышла из себя Майя. – Муж хорошо устроен, спокойно работает – тоже плохо.

– Да я ценю. Кто сказал, что плохо? – стала оправдываться Зося.

– Да, цени это, – серьёзно посмотрел на неё Эдуард. – Вон Петя на работе болячку нажил. А ведь на нём у вас там всё держалось.

Тут Зося едко прищурилась:

– Да, вот не уехал бы из России – и жив был бы.

– Да замолчи ты! – взорвалась Майя. – Не трогай Петю. Он был достойный из достойнейших. Среди многих уехавших толковых людей.

– Да я что? Так уж, к слову, – скукожилась Зося.

– Иногда бывает лучше промолчать, – зло посмотрела на неё и отвернулась Майя.

Эдуард застыл при этом выпаде жены. Его обожгло от мысли, что её чувство к Петру никогда не угасало. А если бы он ещё знал, что всё гораздо серьезнее...

Майя, поняв, что выдала себя, опустила голову и стала теревать низ блузки.

Наступило тягостное молчание. И чтобы как-то нарушить его, Эдуард подхватил высказанную Майей мысль.

– Да, действительно, из России утекло много незаурядных мозгов, – довольно сухо произнёс он.

Майя, явно желая показать мужу, что вскипела не конкретно из-за Петра, включилась в разговор.

– Не переживай, – остановила она хмурый взгляд на Эдуарде, – ты и покойный Петя – не первые и не последние.

Так повелось, что Россия – поставщик талантов. Их производство там не иссякало и, думаю, не иссякнет никогда. А ваша задача – выжить здесь и, что желательно, даже преуспеть. Вот Петя и не преуспел, и не выжил.

– Да, бедняга, – помрачнел Эдуард.

Он помолчал и, не желая продолжать тему Петра, обратился к госте:

– А, кстати, Зося, что же Люсик с тобой не явился? Посмотрели бы, как он выглядит. Всё такой же красавец?

– А что с ним делается? – взбодрилась Зося. – При такой-то жене? Холю, пылинки с него сдуваю. Блюда самые лучшие, его любимые, готовлю.

– Не боишься отпускать одного? – лукаво посмотрел на неё Эдуард. – Шучу, конечно.

– Да куда он денется? – пренебрежительно склонила она голову набок. – Тихоня такой? Всё по моей подсказке. Ха-ха. Если я не скомандую, значит и не загуляет.

– Отчаянная ты девушка! – удивлённо уставилась на неё Майя.

– Просто я себе цену знаю, – бросила на неё гордый испепеляющий взгляд кузина.

– Прибрала ты его к рукам. Крутая, – с не замеченной Зосей издёвкой похвалила её Майя.

– Такая вот! – просияла Зося.

– И всё же, взяла бы да сопровождала его, – посмотрела поверх неё Майя. – Когда ещё такая возможность будет – Южную Африку увидеть?

– Да что мне там делать? – брезгливо поморщилась гостя. – Люсик мне объяснил, что компания, куда он направляется, находится в глуши. Их сотрудники бывали там. Никакой связи с внешним миром. Привезут, поместят в гостиницу, и неделю сидят они там безвылазно. А потом подвезут к самолёту. Вот и вся командировка.

– А он не один едет? – бросил на родственницу колкий взгляд Эдуард.

– Нет, ещё какая-то женщина, инженер...

– Опасное дело, – лукаво сложил губы Эдуард. – Шучу, конечно. А вообще, что бы тебе не отправиться с ним? Да просто чтобы мхом не зарости. Любая поездка – это какое-то разнообразие.

– Да съездили мы один раз, в Париж. Давно, когда ещё не так дорого было, – апатично и в то же время жалостливо передёрнула плечом Зося.

– Ну вот видишь, – сказал Эдуард, – приобщились к мировым культурным ценностям. Это же мечта – в Лувре побывать. Джоконда, Венера Милосская...

Зося брезгливо махнула рукой:

– Да ну! К Джоконде близко и подойти не смогли – толпа всё время, а Венера эта Милосская – смотреть не на что, обшарпанная какая-то и вообще без головы.

Супруги недоумённо переглянулись. Родственница же при этом насторожилась, а Эдуард, в упор посмотрев на неё, тихо и с расстановкой проговорил:

– С головой у Венеры Милосской всё в порядке! На месте она. С руками вот беда. Их у неё нет.

– А я что сказала? – деланно удивилась Зося.

По губам Майи скользнула лёгкая ухмылка, а Эдуард, сделав вид, что не заметил этой Зосиной хитрости, с преувеличенной деловитостью, будто ему в голову вдруг пришло что-то очень конструктивное, посоветовал:

– Ну так вы с Люсиком здесь куда-нибудь отправились бы. У нас же уйма интересных мест.

– Да уж, прав, надо бы, – вздохнула Зося. – Мы же с ним никуда не ходим. У него постоянно сверхурочные. Приходит поздно. Хочет подзаработать.

У Эдуарда промелькнуло в голове: «Знала бы ты, какие это сверхурочные», но он ободриительно кивнул Зосе:

– Ну, подзарабатывает же, вот и воспользуйся случаем, отправляйся с мужем.

– Да как я могу? – занегодовала та. – Смеёшься, что ли? Кто же мне оплатит эту поездку? А так мы себе не можем позволить такую роскошь. В трубу вылететь, что ли?

– Не валяй дурака, – ухмыльнулся Майя. – Не сидите ведь набобах.

– О чём ты говоришь! – появилось крайнее волнение на лице у Зоей. – Потратились мы, приобрели посудомоечную машину.

– Ну, дело хорошее, – похвалил Эдуард. – Вот теперь сможешь больше отдыхать.
– Да уж, купили по случаю. Большая скидка была, и на двенадцать платежей дали, – жалобно сообщила родственница.

Эдуард как бы позавидовал:

– Повезло тебе!

– А на днях опять трата, – не унималась Зося. – Автомобиль застраховали.

– Ну ничего, как-нибудь справитесь, ведь работаете же, – успокоил её Эдуард.

– Да уж, придётся поджаться, – увлажнились глаза у Зоей.

– Чемодан ещё как назло сломался. У нас же всего один был. Это вы – молодцы, всё предусмотрели. Наверно, были уверены, что хорошо устроитесь, по границам ездить будете, да?

Эдуард брезгливо сморщился:

– Да не ищи ты тут никакого расчёта. Всё гораздо проще. Один чемодан мы купили, а второй мне на работе как-то к празднику подарили.

– Царские у вас подарки! – задохнулась Зося. – Мне вон к последнему празднику не ахти что, бутылку вина с коробкой конфет вручили. Завернули как что-то стоящее. Я бумагу сорвала – такое разочарование. На, собака, да не гавкай!

– Скажи спасибо, что такое дают, – рубанула Майя.

– Значит, за работу недоплачивают, – рассерженно посмотрела на неё Зося.

– Лыко да мочало, – раздражённо заглотнула воздух Майя.

– Уши вянут. Скажи лучше, как мама?

– Да неважно, – скукожилась Зося. – Возраст берёт своё.

– А что такое? – поднял бровь Эдуард.

– Голова болит...

– Ну так дай ей болеутоляющее.

– Да уж, придётся...

– Может, ещё скажешь, что денег на лекарство нет? – разозлилась Майя. – Я ведь помню, как твой Люсик как-то выдал, что хорошо быть здоровым и лысым. Мол, тогда не надо тратить на лечение и на парикмахера.

Зося хмуро сморщила нос:

– Ой, Май, да что это с тобой сегодня? Прямо кипишь вся.

Майя не успела среагировать, потому что родственница вдруг оживилась:

– Ой, Май, какой у вас журнальный столик! Прелесть! Это вы ведь здесь покупали? Я помню – такого в Питере у вас не было. Это очень дорогая вещь, итальянская.

– Ты помнишь всё, что у нас было дома в Питере? – удивлённо подняла брови Майя. – Даже я уже многое подзабыла.

– Конечно, помню, – не осталось и следа от слезливых интонаций у Зоей. – У меня глаз намотанный.

– Феноменально, – опять переглянулись Майя и Эдуард.

– А как не помнить? У вас же много импортного было. И всё красивое! – завистливо качнула головой Зося, пожирая взглядом журнальный столик. – Почём брали?

– Задай вопрос полегче, – пожала плечами Майя.

– Ну как можно не помнить такие вещи? – широко раскрыла глаза неутомимая родственница. – Я вот лично помню всё.

– Ая действительно забыла, – твёрдо и холодно проговорила Майя. – Понравился – и купили. Нет у меня таких способностей, как у тебя. Я вот захожу к кому-нибудь, ничего не запоминаю. Пытай меня потом, как там да что – не скажу.

– А мне мама говорит, что с моей памятью я могла бы выступать в цирке, – победоносно заявила Зося.

Эдуард едко прищурился:

– Ну, тогда ты бы тут у нас точно не устроилась. Или для тебя специально нужно было бы цирк построить.

– Ха, и строить незачем! – ухмыльнулась Зося. – У меня цирк на работе. То перед всеми на задних лапках, как дрессированная собачка. А то сама всех по шерстке глажу, как дрессировщица. А бывает, что и по проволоке хожу. Противно. Но выхода нет. Я себя поедом ела раньше, а сейчас уж перестала.

– Вот и правильно, – серьёзно согласился Эдуард. – Не годится есть изо дня в день одно и то же.

– Ха, прав! – обрадовалась Зося. – Но знаешь, есть себя – отличная диета. Худеется классно.

– Лучше быть толстой! – презрительно ухмыльнулась Майя.

– Лучше-то оно лучше! Но как же себя не есть? Очень я обижена на этого Коварского, – зло раздула ноздри Зося. – Ещё родственник называется! У нас ведь недавно нашу начальницу, заведующую аналитической лабораторией, переманили в конкурирующую фирму. Толковая была баба. Ей там такие блага посулили, что, как её Коварский ни уговаривал, она ушла. Ещё бы. Та фирма – не чета нашей. Так я была уверена, что этот родственничек назначит меня вместо неё. Решила даже не ждать у моря погоды и пошла к нему. Сказала, что горы могу свернуть. Так нет!

Для таких, как Зося, у Эдуарда было короткое определение: мало сомнения и много самомнения. Он едва заметно улыбнулся, вспомнив Пушкинские строчки: «Воды глубокие плавно текут. Люди премудрые тихо живут».

– Так почему же он тебя не хочет назначить на должность? – с деланным сочувствием спросил он Зою.

– Говорит, что у меня проблема с языком, – разозлилась она. – Естественно. Я не то, что эта Эммка, которая сегодня тоже была у Веры, ну помните эту, жизнерадостную? Мой язык мне нужен, чтобы за зубами его держать, а она его, шлюшка, в ход пускает, как надо.

Эдуард удивился:

– Так что, её заведующей лабораторией ставят?

– Как бы не так! – не было предела Зосиному возмущению. – Нос не дорос! До такого маразума наш Коварский ещё не дожил. Что она из себя представляет? Обычная лаборантка. Толку-то, что у неё диплом инженера! Она как-то раскудachtалась, при настроении была, её и понесло, не остановить. И проболталась, что институт заочно заканчивала. За душой-то нет ничего. Вот и избрала правильную тактику – со всеми лапонька, всё с улыбочкой, всем услужить готова. И лезть в ход пускает, где надо. Все её жалеют. Что муж объелся груш, что одна с двумя детьми. А она дело туго знает. Шуры-муры водит с Саймоном, замдиректором нашим. В рот ему глядит. Она за ним как за каменной *спиной*. Но должности ей не видать как своих ушей! Вот! Не по ней Сенька!

Майя от неожиданности раскрыла рот, а потом, глядя в сторону, тихонько пропела на мотив «У меня есть сердце, а у сердца – песня»:

– У меня есть Сенька, а у Сеньки шапка...

– Вот именно, – согласно кивнула Зося.

Эдуард чуть заметно поморщился:

– Зося, да успокойся ты. Каждый выживает, как может.

– Да я что, против? – брезгливо сощурилась та. – Но пусть эта Эммка сидит тихо. А то такие сцены разыгрывает! Влетит иногда в комнату и трезвонит, что страшает её Саймон, будто дела плохи, денег нет, вот-вот уволит. Так если и страшает, то для виду. И всё поёт, что на работе из последних сил выбивается, а он недоволен, до слёз её доводит. Из сил она

выбивается! Тьфу! – негодуяюще сплюнула Зося. – Это я вон как белка в колесе, целый день на ногах, от прибора к прибору, как заведённая. Ступни гудят, пятки шуршавые стали.

Эдик с Майей оторопели, но Зося так вошла в раж, что и не заметила этого, а продолжала возмущённо живописать особое положение Эммы.

– Бывает, полдня её нет, – желчно шипела она, – с Саймоном своим куда-то там сматывается, а когда возвращается, врёт, что он отправился по делам, а её по дороге завёз в библиотеку, научную статью прочитать.

– Возможно, она действительно читает, – нарочито серьёзно произнёс Эдик.

– Не смейся! – появилась ядовитая гримаса на лице у Зоей. – На русском что ли она их там читает, статьи эти? Учёный, в дерьме мочёный. Вот уж пример, как в эмиграции прожить без знания языка. Никчемность. Пустота. А пристроилась как! И культурную ещё из себя строит! Недавно вон на оперу собралась. На «Дон Карлсон».

– Это тот Карлсон, который с малышом? – желчно скривила губы Майя.

– Я эту оперу не видела, – отмахнулась Зося. – Да какая ей опера? Говорить бы сначала научилась. Вон недавно хвалилась мне: «Купила такие вкусные мармалады!» Мармаледы!

Презрев эти всплески, Эдуард внимательно посмотрел на Зою:

– Ну, а вторая женщина, что с ней сегодня приходила?

– Динка, что ли?

– Да, Дина. Она производит впечатление серьёзного человека.

– Ой, надоела она мне, – брезгливо поморщилась Зося. – Всё хвалится своими знаниями, всё показывает, что она умнее нас, способнее. Всё к Пете подмазывалась. На всякие заумные темы с ним беседовала. Он ей симпатизировал.

– Что? Что ты имеешь в виду? – оцепенела Майя.

– Да не пугайся ты так, – хихикнула Зося. – Он, царство ему небесное, ничего, кроме своей науки, вокруг не видел. И Верку свою боготворил. У них была гармония в отношениях. За ним ничего порочащего замечено не было. У него с этой Динкой, как говорится, были сугубо профессиональные контакты. А что она больно возомнила-то о себе? Такую же, как и я, работу выполняет. Но форсу много. Нос задирает. Корчит из себя. Взяли по случаю, когда анализ поприбавилось. А так видала бы она это место! Ну, ничего, песенка её спета, сама сегодня сказала, что сокращение скоро будет. Её уже предупредили. Змея! Ой, разволновалась я. Можно, закурю?

– С каких это пор ты куришь? – опешила Майя.

– Да только когда надо успокоиться. Или ночью.

– А ночью зачем?

– Да дурманю себя, когда не спится, – жалостливо объяснила Зося. – От бессонницы ведь, я тебе скажу, один вред. Встанешь ночью, включишь свет – тараканы ползают. Расстроишься.

Зося глубоко и удовлетворённо затянулась, жеманно отставив мизинец в сторону.

– И кого, интересно, начальницей над нами поставят?

– закатила она глаза. – Я уверена, что эта работа мне подходит. Но чем-то я руководству не угодила.

– Тут люди радуются не столько тому, что работа им подходит, сколько тому, что они подходят той работе, которая им подвернулась, – раздражённо сказала Майя.

– Да, конечно, но вот вы-то работаете по специальности, – в очередной раз сделала затяжку Зося. – Эдик – в большой серьёзной компании. Ты – медицинским секретарём.

– Эдика не трогай, – не стерпела Майя. – Он достоин того, что получил. Но я-то по образованию лингвист.

– Так ведь не встаёшь же, как я, каждый день в шесть утра? – скорбно поджала губы Зося. Майя с сердцем хлопнула рукой по столу:

– Ну что ты всё завидуешь?

– Да, боже упаси, – вздрогнула Зося, – какая зависть! Дай Б-г вам здоровья. Просто за себя обидно.

Майя сердито посмотрела на неё, припомнив наблевшее:

– А мне за Эдика было обидно, когда он в частной шарашке пахал. Сейчас же он оценён по достоинству. И помню я, как ты его отговаривала переходить в эту государственную компанию, когда мы с тобой советовались. А сейчас говоришь, что рада за него.

Зося состроила слезливую мину:

– Да я же просто боялась, что он и у частника место потеряет, и здесь не укоренится...

– А-а-а... – в ядовитой ухмылке дрогнули губы у Майи.

– Всё! Закрыли тему, – решительно поднял руку Эдуард.

– О-кей, – подчинилась призыву Зося. – Как съездили-то?

Эдуард был краток:

– Со стариками повидались, встретились кое с кем из старых знакомых, полюбовались питерскими красотами. А ближе к концу уже тянуло обратно.

– Я не могу судить так категорично, – хмуро прищурилась Майя. – У меня там родители остались.

– Майечка, но это же понятно, – сочувственно заявила Зося. – Но я думаю, вам жалеть не о чем. Устроены. По миру вдоволь наездились.

Майя зло хлопнула себя по ноге:

– Старая песня. Сколько можно толочь воду в ступе? Вам-то кто не даёт ездить?

– Сказала же, нет у нас таких возможностей, – фыркнула Зося.

Майя впилась в неё негодующим взглядом:

– Не дают тебе покоя наши возможности. Там не давали и здесь не дают. Всё думаешь, что лопатой мы гребём.

– Да что ты, Майчик, – испугалась родственница, – я же просто так сказала. Рада я за вас.

– По-моему, ты и за себя можешь порадоваться, – вырвался у Майи «кашелёк», заставивший вздрогнуть Эдуарда.

– Ой, как сказать! – не обратила внимания на подавленное Майей негодование Зося. – До сих пор спрашиваю себя, правильно ли мы сделали, что уехали? Вон там жизнь как налаживается. Не хватило нам терпения пересидеть. И квартира была, и работа. Ради чего сломали привычный образ жизни? Попёрлись. У Люсика моего всё чесалось.

– Что ты всё брюзжишь? – оборвал её Эдуард. – Всё же благополучно. Устроены, квартира хорошая.

– Квартира! – подбоченилась Зося. – Вон я недавно у врача местного была на приёме, на его вилле Я уж о самой вилле молчу. Но район какой! Да его с нашим сравнить нельзя! Коммунизм в отдельно взятой стране. Нам и не снилось!

– Да это же всё глянцевые картинки, – раздражённо бросила Майя.

– Зося, ты меня извини, – поддержал жену Эдуард, – но эти сравнения некорректны. Во-первых, мы же с нуля, можно сказать, начали. И то вон чего добились. А во-вторых, ты не задумывалась, какая масса коренных граждан проживает в таких районах, как наш?

Зося с вызовом уставилась на Эдуарда:

– А в третьих?

– А если хочешь – в-третьих, – удивился он её дерзости, – то чем, скажи, наш район тебя не устраивает? Вполне респектабельный, ухоженный, благополучный.

– Всё познаётся в сравнении, – сумничала Зося.

– Безусловно, – изумлённо поднял на неё глаза Эдуард.

– Но я тебя утешу. Не исключено, что наши дети переберутся в облюбованное тобой место.

– Дай-то Б-г, – совсем глубоко затянулась сигаретой Зося.

– А вообще, всё я понимаю, не дуручка. Но такая тоска иногда одолевает! Душа плачет. Это уж я сегодня этой Динке в пику выдала, что уехала из России, чтобы хорошо и правильно питаться. А ведь что изменилось-то? Еду стараемся покупать, к какой в России привыкли. Всё те же борщи да каши варю. И селёдки с картошкой хочется. Вот ведь всё тут есть! Сладости всякие – глаза разбегаются! А хочется открыть банку сгущёнки и ложкой, ложкой её, как там, в Союзе.

– Сейчас расплачусь, – сделал вид, что лезет в карман за носовым платком, Эдуард.

– Издеваешься? – возмутилась Зося. – А всё равно нет ничего вкуснее, чем намазать масла на ломоть ржаного хлеба и сверху попесочить, как в детстве.

– Так в чём проблема? – поднял брови Эдуард.

– А в том, что никак нам не переделаться, – с вызовом посмотрела на него Зося. – Работаю я фактически в русской компании. Общаемся с русскими. И телевизор – по-русски. И в интернете всё в русские сайты лезем. И на гастролёров наших ходим. И к врачу-экстрасенсу к русскому я обращаюсь. И тоскую всё по уюту своей бывшей квартиры. Вон ковёр на стену повесила, да и вы вон, гляжу, тоже, хоть здесь и не принято. Друзей новых не нашли. И сойтись-то не с кем. Конечно, приглашаем по всяким торжественным случаям, тоже русских, а они нас, и всё в русские же рестораны. Но близости-то той нет. Каждый в своём мирке варится. Люсик у меня таких друзей называет застольными. Ой, чем дальше в лес, как говорится... И каким ветром нас сюда занесло? Пути господни *настолько* неисповедимы!

– Да уж, – едко усмехнулся Эдуард. – Но не бери душу. Представь, как бы ты рассуждала, если бы вы не уехали? Точила бы Люсика своего: «Смотри, как там Майка с Эдькой преуспели! Он в большом концерне работает, она в поликлинике. Дочь – на медицинском факультете. Квартира! По миру разъезжают. И что мы с тобой, дураки, тут сидим?» Ну скажи, что – я не прав?

– Прав, конечно, – в сердцах с силой затушила в пепельнице докуренную сигарету Зося. – Глуп человек.

– Человек так устроен, что всегда чем-то недоволен, – согласился Эдуард. – Так что успокойся ты наконец и не гневи Б-га. И третий ребёнок у тебя здесь родился, и устроены вы с Люсиком. Живи да радуйся.

– Уяснила? – вызывающе прищурилась Майя в сторону Зоей и опять издала знаменитый свой «кашелёк».

Эдуард понял, что близится гроза, и конфронтацию кузин нужно непременно пресечь. Он раскрыл было рот, но Зося опередила его:

– Май, а всё же, что это ты сегодня не в духе? Колючая такая?

– С дороги. Устала, – резко отчеканила Майя.

– Да ладно, я не обижаюсь, – махнула рукой Зося. – Мы же с тобой всё же родная кровь.

– Ну, если не обижаешься, так я тебе и скажу, что именно близкие нам и не прощают успехов и благополучия. Чужим-то и дела до нас нет, – гневно притопнула Майя.

Эдуард совсем напрягся в предчувствии непредсказуемого развития событий, но тут у Зоей неожиданно зазвонил телефон.

Посмотрев на экран аппарата, она недоумённо сообщила родственникам:

– Эммка, та самая с моей работы, бляха медная. Легка на помине. Что ей нужно? И здесь достала!

Зося включила телефон и умильно произнесла:

– Эммулька? Привет, киска. Что стряслось? Новости? Ну, если хорошие, выкладывай. Что значит, если плохие? Ты уж так не пугай.

Зося какое-то время слушала Эмму, а потом показушно рассмеялась:

– Ой, какая же ты умница, Эммульчик.

Она повернулась к Майе и Эдуарду и умильно прошептала в микрофон так, чтобы позвонившей было понятно, что предназначается это чириканье тем, кто находится рядом с ней:

– На ходу стишок про новости придумала: «Хорошие – выкладывай, а нет – в штаны накладывай». Да тебе ж, Эммулька, дорога в союз писателей!

Зося с фальшивой улыбкой выслушала реакцию Эммы и вдруг напряглась:

– Что, такие новости, что сесть на всякий случай? Села.

Зося действительно плюхнулась в кресло, и тут лицо её стало вытягиваться.

– Что-о-о-о? – сжала она подлокотник. – Динка? Не может быть! Да ты что? Этого только не хватало! Как снег на голову! Такая срочность, что аж на мобильник позвонил и уже к себе вызвал? Вот дрянь! Сумела влезть в доверие! Теперь поднимет голову! Будет *над* нами командовать! А ещё пела: сокращение, увольнение! Я уж обрадовалась. А она в гору пошла. Помяни моё слово – жизни не будет. Задолбает этой своей сущностью процессов. Поедом есть будет. Все соки выжмет. Со свету сживёт! Нет, я не понимаю, а что же её в таком случае предупредили об увольнении? На понт нас брала, что ли? Проверить реакцию хотела? Что-о? Для неё для самой был сюрприз? Давно её хотели? А-а, были претенденты со стороны! Такты всё заранее знала? И молчала? Вы все против меня! Да ладно уж! Ладно, не оправдывайся, проехали. Нет, самолёт у Люсика завтра. Вечером. На работу? Конечно, приду. Ладно. Ба-а-а-ай!

Зося отключила мобильник, в сердцах швырнула его на стол и разъярённо затараторила:

– Нет, вы представляете? Не успела с вами поговорить, на тебе! Эту суку Динку ставят начальницей надо мной, а эта потаскушка Эммка, оказывается, знала, от этого Саймона своего, куда ветер дует, и как в рот воды набрала. Я же там, когда вы ушли, маху дала – с этой дрянью, с Динкой, цапнулась. И внутренний голос мне ничего не подсказал! Нет, чтобы пораскинуть умом, пропустить мимо ушей! Влипла в историю! То-то эта шалава, Эммка, перед ней расшаркивалась и мирить нас стала. В душе, небось, потешалась надо мной.

Эдуард попытался унять родственницу:

– Зося, успокойся. В нашем возрасте такие стрессы ни к чему.

– К чему, ни к чему! – вскочила она с кресла. – Так, Зоська, не вешать голову!

Плохо слушающимися её пальцами она набрала номер на телефоне.

– Динулька! – умильно прошелестела она в трубку. – Поздравляю тебя. Я так рада! Ну вот видишь, правда всегда торжествует. Хорошего специалиста ценят. А что такого я тебе наговорила? Я уж и не помню. Да? Да что ты, я же шутя. Ну конечно! Ах, так ты на работе? Уже дали ключи от кабинета? Дай Б-г тебе здоровья. И сама ничего не таскай. Мы завтра с Эммулькой всё с утречке перенесём. Поняла? Не вздумай надрываться. Здоровье превыше всего. А почему бы и нет? И костями ляжем. Ну да ладно, ещё раз тебе поздравления самые искренние. Ба-а-а-ай!

Зося выключила телефон, мгновенно стёрла с лица гримасу угодливости и зло гаркнула:

– Вот зараза! Уже и ключи от кабинета получила. Ещё и издевается! «Что, – говорит, – и костями ляжете?». Сволочь! Где взять силы, чтобы это всё пережить? Так, ладно. Как ни противно, а придётся изображать любовь и дружбу.

Зося трясущимися пальцами выхватила из пачки очередную сигарету, зло закурила и стала нервно вышагивать по комнате. Наконец она снова бросила себя в кресло и, тяжело вздохнув, спросила:

– Ну, где там наш чемоданчик?

– Сейчас принесу, – встал Эдуард.

Он вышел из гостиной и вскоре вынес чемодан.

– Вот, пользуйтесь на здоровье.

– Ой, какой красавец, – вытаращила глаза Зося. – Это тот, что на работе подарили?

– Да.

– Ничего себе подарочек!

– Ну, начинай сначала! – разозлилась Майя.

– Ладно. Не злись. Свои люди. Замолкаю. Убегаю. Счастливо оставаться. Будьте здоровы, – забалабонила Зося. – Ой, чуть не забыла. Олечки дома нет, что ли, ещё?

– Приходила, – желчно скривила губы Майя. – Ушла в университет.

– А что, – сделала хитрые глаза родственница, – у неё с этим Петиним сыном, того?

– Чего того? Мы просто навестили Веру все вместе. Вот и всё, – прочеканила каждое слово Майя.

– Ладно, не хочешь – не говори, – как бы обиделась Зося.

– Моё дело маленькое. А могла бы и сказать сестре. Я не сглажу. Проверено. Ну да Б-г с тобой. Петин сын – классный парень. Золото. Нам Петя про него много рассказывал. И способный, и благородный, и характер чудный. И перспективный – его же уже во всякие там хай-теки на работу приглашают. Так что не упустите. Молодёжь-то сегодня, знаете ведь, какая? Ветер в голове бродит. Это моя вон старшая ни хрена в жизни не понимает. Я уж было удочку закинула, хотела её с этим Маратом свести. Так она на дыбы встала, потому что вскружил ей тут один голову. Никак не могу дурь из неё выбить. Чего только не делала, чтобы его отвадить.

– Зачем же отваживать? – пришёл в недоумение Эдуард.

– Чем он тебя не устраивает? Что, балбес какой-то?

– Да нет, – разочарованно сообщила Зося. – Так-то он паренёк умный, даже чересчур. И самостоятельный. Но неперспективный, голь перекатная. По специальности – медбрат. Это что, профессия? Зарплата – минимум. Я Аллочке говорю, что нечего нищету плодить. А она дерзит, говорит, что сыновья миллионеров все заняты. Я её спрашиваю, как это так, что все заняты? Так она в ответ умничает, что заняты они тем, что ищут дочерей миллионеров. Ну, так где это видано, чтоб такую голову иметь и с младшим медицинским персоналом свою жизнь связать!? А ещё она так ехидно у меня спрашивает: «А что, мама, ты считаешь, что избыток денег у жениха может заменить недостаток ума?»

– Логика безупречная, – одобрил Эдик. – Правильно она мыслит.

– А что правильного-то? – вскипела Зося. – Я ей объяснила, что к чему. Говорю, избыток денег у жениха должен заменить недостаток денег у невесты, а ума, говорю, нам с тобой и своего хватает. Куй, говорю, своё счастье, как мать учит.

– Ужас какой, – вытаращил глаза Эдуард.

– Ужас – это не то, что я ей говорю, а то, как она мне в ответ дерзит, – в сердцах возопила Зося. – Заявляет, что когда счастье куёшь, главное – не переусердствовать, а то, говорит, можно так ударить, что всё и разлетится. Так я ей и ответила, что легко рассуждать пока ты на всём готовом, а как начнёшь с милым своим отдельно от мамы с папой жить да нужду испытывать, так оно и начнёт разлетаться безо всякого усердствования. Схватишься за голову, да поздно будет! Не понимает, что я ей добра желаю.

– Удивляюсь я тебе, – пожал плечами Эдуард. – Ты забыла, как вы с Люстиком жить начинали?

– Так то ж совсем другое дело! – яро хлопнула себя по ляжке Зося. – Это ж в Союзе было. Там все так жили. На хрена же мы тогда сюда притащились? Всё бросили? Нет, не хочу больше на эту тему. А то всю пачку сигарет прикончу. Так что ваша Оленька – не промах. Будет, как сыр в масле, кататься. Золотую рыбку поймала. Не то что моя простофиля. И не надо мне возражать!

– Зося, – сквозь зубы зло проронила Майя, – уймись. Олечка, так же, как и твоя Аллочка, не из тех, кто польстился бы на богатство без любви.

– А я что, сказала, что она польстилась? И не думала. Я же просто радуюсь за неё и за вас. Дай Б-г вам всем здоровья.

– Ну а как же тебе не радоваться? – просверлила язвительным взглядом кузину Майя. – Это же так по-родственному!

- Стараемся, – засуетилась Зося. – Ладно, побежала я. Время – деньги.
- А ученье – свет, – равнодушно произнёс Эдуард.
- Шутка, что ли? – непонимающе посмотрела на него Зося.
- Ладно. Ба-а-а-ай!
- Будь здорова, – холодно попрощалась Майя.
- Пока! – схватила чемодан Зося.

После того, как она ушла, наступило тягостное молчание. Майя стала вышагивать из угла в угол. Наконец Эдуард не выдержал:

- Я не понимаю, что происходит. Почему ты уклоняешься от разговора?

А Майя, прикрыв глаза, беззвучно продолжала мерить шагами комнату.

– Ты намеренно не реагируешь, – с трудом сдержал раздражение Эдуард. – Нет, объясни в конце концов, что за игра в молчанку? Это немыслимо – продолжать в таком духе. Я же сказал, что тебе не о чем волноваться. Марат – Петин сын. Нет проблем. Понимаешь ты – нет! Нет! Успокойся же наконец. А если у тебя какие-то другие возражения по поводу Марата, если есть какие-то другие обстоятельства, мешающие ему и Олечке быть вместе, то незачем играть в кошки-мышки. Ведь это же должны быть какие-то очень веские аргументы, потому что у них всё очень серьёзно.

– Зачем, зачем судьба сталкивает нас снова? – не глядя на Эдуарда, с отчаянием прохрипела Майя. – Ведь клубок наших отношений был так запутан, что единственный выход был – порвать связывавшие нас нити. И вот на тебе! Это же рок!

– Да, я пошёл в своё время на прекращение каких бы то ни было отношений со своим лучшим другом, с Петей, – твёрдо посмотрел на жену Эдуард. – И причиной тому была не его женитьба на Вере, которая предпочла его мне. Причина была в том, что ты так хотела. Ты была отвергнута Петей и не могла простить своей подруге того, что он любит её, а не тебя. А отголоски прошлого продолжали достигать нас. Ведь когда мы с тобой поженились, ты ревновала меня к Вере, продолжала считать, что я не могу забыть её.

– Ты и не можешь, – зло свела брови Майя. – Сегодня я это поняла. Ты же пожирал её глазами. Руку сжимал.

– Господи, да о чём же ты? – как бы рассердился и при этом слегка зарделся Эдуард. – С тех пор уже столько воды утекло. Хорошо, я не могу переубедить тебя. Но ведь твоё отношение к Вере не должно быть препятствием на пути влюблённых друг в друга Оленьки и Марата. Ты просто обязана пойти на жертву ради своей, ради нашей дочери. Ну, встань ты, наконец, выше этих низменных инстинктов. Как же ты не понимаешь, что задето моё самолюбие? Ведь мы же с тобой вместе уже двадцать три года! В конце концов, когда Оленька и Марат соединят свои судьбы, наше общение с Верой может быть сведено к минимуму.

- Господи, я сойду с ума, – в отчаянии заломила руки Майя.

Эдуард подошёл к жене и обнял её.

- Не надо, прошу тебя, – раздражённо высвободилась она из его объятий.

Майя приблизилась к окну и повернулась спиной к Эдуарду.

– Но это же несерьёзно – ревновать меня к Вере, – недоумённо покачал головой Эдуард. – Неужели ты считаешь, что Петина смерть и наш сегодняшний визит что-то меняют? Кошмар какой-то!

В этот момент вернулась Ольга.

– Родители, что с вами? – оторопела она. – Вы оба с лица сошли. Может быть, объясните, в чём дело?

– Папа устал, а у меня жуткая головная боль, – посмотрела мимо дочери Майя. – Папе надо отдохнуть. Эдик, иди, приляг в спальне. Подремли.

- А ты? – недоумённо посмотрел на жену Эдуард.

- Ты знаешь, я, пожалуй, поеду в магазин за продуктами.

- Нет-нет, – решительно возразил Эдуард, – я не пущу тебя одну. Поедем вместе.
- Нет, ты отдохни, я сама. Мне нужно развеяться. Оленька, дай мне ключи от машины.
- Нет, я категорически тебя сегодня не понимаю, – наморщил лоб Эдуард.
- Отдохни, пожалуйста, тебе завтра на работу, – настоятельно повторила Майя.

Эдуард непонимающе пожал плечами и удалился в спальню. Ольга протянула ключи матери и ушла в свою комнату.

Майя достала заранее приготовленную записную книжку, заперлась в ванной, набрала номер на мобильном телефоне и прикрыла аппарат рукой.

– Это я, – тихо выдохнула она в трубку. – Да. Мне нужно срочно с тобой увидеться. Да-да, сейчас буду.

4

После того, как Ольга ушла, Марат какое-то время в задумчивости оставался в гостиной. Вдруг раздался лёгкий стук в дверь.

– Входите, открыто, – громко произнёс парень.

Дверь медленно отворилась, и вошла женщина из квартиры, что тремя этажами выше.

Звали её Галя. Так обращались к ней все её знавшие, а не только самые близкие. Потому что по отчеству, как это было принято в России, здесь не величали, а полным именем Галина она представилась только на работе. Да и то кое-кто из местных сотрудников называл её Галой. А она и не возражала, и вовсе не потому, что ей льстила ассоциация с именем жены Сальвадора Дали. Просто она не придавала этому большого значения.

– Проходите, тётя Галя, – приветливо пригласил её Марат.

– Спасибо, Маратик, – прошла Галя в гостиную. – Прими мои соболезнования. Я ведь приболела, не могла к вам зайти.

– Да что вы, о чём речь? – успокоил её Марат. – А как вы себя чувствуете?

– Спасибо, лучше. Я вам очень сочувствую. Вова очень переживает, он уважал Петю. А как мама?

– Прилегла, – кивнул Марат на дверь Вериной комнаты.

– Она просто вымотана всем происшедшим.

– Да, да, пусть отдохнёт. Я зайду позднее.

Галя направилась к выходу.

– Конечно, обязательно заходите, – пошёл вслед за ней Марат. – И выздоравливайте.

– Спасибо, – улыбнулась Галя, закрывая дверь.

Галя и её муж Владимир владели четырёхкомнатной квартирой. Галя была красивая ухоженная женщина, горделивая и, что называется, с шармом. Совсем недавно отметила она пятидесятилетие. Имела степень кандидата химических наук и начала работать здесь почти сразу после приезда практически по специальности в одной достаточно благополучной небольшой компании. Только вот сравнительно недавно ситуация в этом заведении резко изменилась. Существенно упало количество военных заказов из-за границы, что привело к массовым сокращениям. Галя потеряла работу и оттого очень переживала, несмотря на то, что муж её был хорошо устроен. У неё образовалось много свободного времени, и это её совершенно не радовало, а напротив – угнетало, хотя, конечно же, теперь она могла скрупулёзно заниматься домашними делами, которые раньше были отнесены ею к разряду второстепенных по причине загруженности на службе. А в последние дни она ещё и приболела, подхватила какой-то вирус, так что отсиживалась дома безвылазно.

Вернувшись от соседей, Галя обошла гостиную и погрузила себя в обитое кожей стильное кресло. Она какое-то время посидела в задумчивости и вдруг, опустив глаза, увидела на полу перевязанную картонную коробку. Тут она вспомнила, что до того, как спуститься к Вере, достала её с антресолей, куда полезла за чем-то совсем другим. А картонка эта хранила письма и фотографии, которые она за столько лет так и не разобрала! Галя взгромодила коробку на колени и начала развязывать. Она подумала о том, что нашла её не случайно. Ведь на сегодня как раз пришёлся юбилей их с Владимиром бракосочетания. Тридцатилетний! Жемчужная свадьба!

Галя по этому случаю затеяла всякие яства, да так, чтобы успеть всё это приготовить к приходу мужа с работы. И вот сейчас уже почти всё было закончено, так что она могла заняться найденным архивом. «Вот житуха! За столько лет, что мы здесь, ни разу не развязала, не открыла эту коробку, не поинтересовалась ни письмами, ни фотографиями... Быт грёбанный... Засасывает...», – мысленно посокрушалась она.

Но не успела Галя запустить руку в посланные ей анналы, как зазвонил телефон. Подняв трубку, она неподдельно обрадовалась. Звонила из России её самая близкая подруга Валерия.

– Привет, привет, Лерка! – звенел Галин голос. – Как я рада тебя слышать! Спасибо! Спасибо, тебе, дорогая! Да, тридцать лет мы с Вовой вместе. Жемчужная свадьба! Страшно подумать. А эти годы эмиграции как пролетели? Кошмар! Но об этом не будем. Нет, сегодня мы с ним вдвоём. Прилюдно отмечать будем в ресторане. Подожди, дай мне сказать. Я тебя поздравляю! Да, как обычно, вспомним нашу бородатую шутку, что тебе повезло родиться в день нашей с Вовой свадьбы. У тебя же воистину юбилей! Полтинник! Куда он мог уйти, мой русский язык? Смеёшься? Ну и что – окружение? А-а, язык устраивает, а полтинник – нет. Тут уж, моя дорогая подружка, ни тебе, ни мне деться некуда. Недавно – я, сегодня – ты полтинничек отхватила. Не говори, представить трудно. Ведь как будто бы вчера девчонками были! И тебе моё всегдашнее пожелание, чтобы у тебя всё было так, как желают тебе мама с папой. Права – и я, конечно. Лерка, ну а как же иначе? Нет и не будет у меня подруги ближе, чем ты. Хоть и раскидала нас с тобой судьба. Издеваешься? Каких таких друзей мы тут приобрели? Скажи лучше, как там у вас в Москве? Ой, слушай, у тебя же рубли набегают. Давай я тебе перезвоню. Что значит, перестань? На тебя что, наследство свалилось? Нет, серьёзно. Мы же всё равно, когда Вова придёт с работы, будем тебе звонить. Он же тебя лично захочет поздравить. Почему я дома? Вечером расскажу. Ну что значит – подожди? Что? А кто мне должен был звонить? Что-о?

Галя онемела, застыла, смежила глаза. Но в следующий же момент, взяв себя в руки, продолжила разговор:

– И как он нашёл тебя? Ах да, он же знает твою фамилию. А как он тебе представился? Интересовался адресом и телефоном? И что ты ему ответила? Умница! Гений! Смекнула сказать, что знать обо мне не знаешь. Не поверил? Пусть! Лерка, ты меня оглушила! Известием! Хотя и постаралась смягчить удар – деликатно так его назвала! Кавалер!

Галя впрессовалась в спинку кресла. Внутри у неё всё как будто омертвело.

Да, давно, ещё там, в Союзе, случилась у неё амурная история. Длившаяся несколько лет, до самого её отъезда в эмиграцию. А ведь если бы до того, как всё это у неё тогда началось, кто-нибудь напроорочил ей, что такое может произойти – не поверила бы. Но вот произошло! Да ещё и почти по Толстому: любовник и муж носили одно и то же имя! Только не Алексей, как в «Анне Карениной», а – Владимир. Муж – Вовочка, любовник – Володенька.

Галя в те годы жутко терзалась, её изводил обман, с которым ей приходилось жить. И не только потому что была воспитана в пуританском духе. А потому как ещё и понимала, что такой муж, как её Вовочка, – мечта любой женщины. Но была словно в ловушке. Потому как любовник её, Володенька, был тоже мечта, а для многих женщин – ещё и несбыточная. Так что страдания и счастье её были неразделимы.

Понятное дело, жила она в те годы как на вулкане! Разрывалась между ними двоими! И успокаивала себя тем, что, мол, вспышка та сверху была ей послана...

Слава Б-гу, Вовочка её тогда ни о чём не дознался. Идеальный муж! Доверял, на руках носил. Сам ведь ещё и в санаторий отправил, где у неё с Володькой и закрутилось.

Галя вдруг поняла, что Валерия что-то продолжает говорить. И сосредоточилась. И до неё донеслись увещевания подруги.

Она тяжело вздохнула и глухо прохрипела в трубку:

– Лер, ну а как же не дёргаться?

И прикрыла глаза, и замолкла. А потом тревожно продолжила:

– Да, но слушай, он, что, рехнулся? Чёрт-те когда всё порвано, я укатила из страны, улетучилась, как говорится, из его судьбы, и на тебе! Явился – не запылится, и блажь такая – меня сыскать. И тебе ещё телефонирует! Номер мой здешний ему, видите ли, понадобился! А-а, из России хотел позвонить! Неужто думал, что встречать поеду? Понятно, что ты поначалу

сообразить не могла, кто это! Вы же и не виделись никогда! И что ему нужно? В научной командировке? Когда он приехал? Только что? Блин! Как не нервничать? Вдруг возьмёт да и отыщет! Что значит – не может забыть? Давно всё забыто. Столько воды утекло. Неужели не понимает, что к прошлому возврата нет? Что при встрече ни он, ни я не испытали бы ничего, кроме неловкости? Зачем ему понадобилось мучить меня? Я заплатила такую высокую цену. Всё бросила. Уехала.

В голове у Гали пронеслось то, что с ней происходило тогда, в конце девяностых, когда никакие доводы мужа о необходимости отъезда, никакие его уговоры не оказывали на неё никакого воздействия. И ведь неизвестно, что было бы, если бы не пришёл момент, когда её Володька вдруг перестал давать о себе знать! Она начала тогда сходить с ума! И – спустя достаточно много времени, вопреки гордости, сама ему позвонила! А он промямлил, что жена обо всём дозналась. И она вознегодовала и резко изменила своё отношение к эмиграции. Владимир же понять не мог, что за метаморфоза произошла.

Галя выпрямилась в кресле и решительно произнесла в трубку:

– Я не хочу, не хочу этих сигналов из прошлого! Господи, убереги меня от них! Зачем, зачем он это делает? Зачем ищет меня? Не хватало только, чтобы Вова дознался здесь, по прошествии стольких лет! Что за фантазия – ворошить через целую вечность? Ой, оставь! Тут же любого отыскать не проблема. Как мне пережить эти дни? Не хватало только вздрагивать от каждого звонка! И особенно сегодня, в такой день! Одна надежда, что одумается. Что хватит ему здравого смысла не делать этого! Лер, знаешь, кошмарный сон мне сегодня привиделся, знала, что не к добру. Места себе с ночи не нахожу. Ха, права, каламбурчик хоть куда – всё произошло после сна. Нет-нет, ничего мне больше не говори! Голова кругом. Мне нужно прийти в себя. Давай, до вечера. Да. Да. Конечно, позвоним. Целую тебя. Пока.

Галя медленно положила трубку на рычаг, поставила снова коробку на пол сбоку от кресла и застыла в оцепенении.

Её парализовало понимание того, что появление бывшего любовника в её нынешнем существовании обернулось бы для неё катастрофой! Она не хотела рушить устоявшийся, ставший за эти годы эмиграции стабильным, уклад своей семейной жизни. Ведь прошлое так нескончаемо не хотело её отпускать! Очень долго он почти каждую ночь снился ей, её Володька. А порой она во время близости с мужем вдруг забывалась и ощущала его рядом... И начинала внутренне виниться... С годами это стало происходить всё реже, вчерашний день отступал всё дальше, и она как раз накануне их сегодняшнего с мужем юбилея уверила себя в том, что эта тревожная страница её жизни перевёрнута окончательно.

И вот – рок!

Нет, нет, она не должна впускать снова когда-тошнего возлюбленного в своё настоящее! Она отдавала себе отчёт в том, что эта кратковременная встреча очень сильно взбудоражила бы её, лишила покоя. Потому что чувства могли вспыхнуть с новой силой... А тогда... Он-то вот уедет, а в её жизнь снова ворвётся смятение! Она с ужасом вспоминала, как тяжело, мучительно ей давалось распрощаться с былым, вычеркнуть из памяти те годы обмана. И что же, всё сначала? Нет, нет, только не это! Не видеть его, не питать к нему никаких чувств! Ведь сейчас она ощущала себя с мужем единым целым, испытывала к нему привязанность, воспринимала его совершенно близким, своим человеком. Порой, правда, она задавала себе вопрос, любовь ли это, но испытанное ею в прошлом безумное всепоглощающее влечение к любовнику заставляло её уклоняться от ответа.

Да, она очень дорожила тем благополучием, которое царило сегодня в её семье, и посему помыслить даже не могла о том, чтобы всё это вдруг сломалось.

Эти её тревожные мысли о разрушительных для её психики и для её спокойствия последствиях возможной встречи с прошлой её страстью усугублялись ещё опасением, что муж может уразуметь, что к чему! «Поймёт! Поймёт! Поймёт!», – пульсировало у неё в голове. Правда,

было обстоятельство, которое в какой-то степени унимало её тревогу. Ведь Владимир по злой иронии судьбы был долго связан с этим её Володькой общей научно-исследовательской работой! И если бы получилось им тут столкнуться, её эксвозлюбленный, конечно же, объяснил бы эту встречу желанием свидеться с бывшим коллегой-сослуживцем. Но... у страха глаза велики. И Галю приводили в ужас мысли о том, что муж, сопоставив факты, обо всём догадается и что она себя обязательно выдаст, и что всё, что она годы держала в тайне, раскроется в момент! А муж вот-вот должен был появиться! Ведь по случаю юбилея их свадьбы он собирался прийти с работы раньше обычного.

Она просто сходила с ума! А в какой-то момент её тревога сменилась прострацией. Она прикрыла глаза и сжалась в комок в кресле. В голове тревожно теснились разные думы, перед мысленным взором вперемешку проносились картины из прошлого и настоящего.

Муж её Владимир был ей ровесник, моложав, интеллигентен. Его определённо можно было отнести к тому типу мужчин, которых называют интересными. Совсем молодым защитил он кандидатскую, а затем, с небольшим перерывом – и докторскую диссертацию. В Москве был специалистом в области строительной механики. Заведовал отделом в НИИ и, кроме того, преподавал: у него была часть ставки в ВУЗе.

И тем не менее, в конце тех перестроечных восьмидесятых годов двадцатого века Владимир стал подумывать об эмиграции. Да и не только он – ведь в воздухе буквально витало отъездное настроение, порождённое послаблениями, которые стали делаться властями в этом вопросе. И настрой этот, безусловно, усугублялся ещё и экономическими трудностями того времени.

А Владимиру, интеллигенту и учёному, как раз таки тяжело было вписаться в горбачёвскую перестройку. Государственную тематику в науке сократили до предела, а хозрасчёт, при котором каждый институт должен был самостоятельно искать заказчиков работ, просто выматывал. Кооперативные же дела Владимиру были не по нутру. Он привык полностью отдаваться своей работе и честно получать за это зарплату в окошечке с вывеской «Касса». Но вот отдаваться полностью ему становилось всё труднее. Перестройка породила неразбериху, многие толковые ребята бросились «хапать» в кооперативах. Как тогда говаривали – «куй железо, пока Горбачёв». А существенная доля тех, что остались в многочисленных НИИ, была не способна ответственно выполнять поставленные задачи. Вот и требовало начальство, которое ещё больше стало трястись над своими тёплыми местами, чтобы такие неординарные во всех отношениях индивидуумы, как Владимир, кроме науки занимались ещё и уймой организационных дел, которые в то непростое время требовали нечеловеческих усилий. На него, например, как на руководителя научно-технологического отдела волевым порядком повесили ещё и общее руководство имеющимися в институтском плане темами. Это означало, что он должен был отвечать за выполнение не только своей части работы, но и за работу смежных отделов, за обкатку технологии и за её внедрение в промышленности. Владимиру приходилось оставаться на службе допоздна и, кроме того, заниматься дома написанием отчётов, всяких сопроводительных документов, статей, авторских свидетельств и патентов. И это кроме подготовки к чтению лекций в ВУЗе, где его уговорили преподавать. И это ещё кроме ответственных изнуряющих командировок к заказчикам работ, выполняемых институтом, с целью сдачи определённых этапов. А зарплата в государственных учреждениях, в отличие от кооперативной вольницы, оставалась для каждой должности совершенно фиксированной. Он очень уставал, а Галя выражала недовольство таким положением вещей, да и просто жалела его. Он же заявлял ей, что единственное решение, которое он может предложить, это покинуть этот «кооперативный бедлам». И при этом старался убедить её в том, что «там» на службе его ничто не будет отвлекать от его прямых обязанностей. Потому что «здесь», мол, ведутся нескончаемые разговоры о научной организации труда, а «там» она существует де-факто.

И ведь в этом отношении он оказался прав. Приложив после приезда достаточные усилия к поискам работы, он в конце концов получил должность в исследовательском центре крупного концерна, где его задействовали в нескольких проектах. И, как он и предполагал, труд был здесь организован так, что каждый сосредоточивался на своей задаче, оснащался всем необходимым для эффективного её решения и не распылялся на выполнение побочных дел. Так что ощущал он себя достаточно комфортно, тем более что руководство обеспечило ему вполне приемлемые материальные условия.

Галя же начала здесь работать ещё раньше мужа. И попала она в компанию, из которой была недавно уволена, совершенно неожиданным образом.

Поначалу, до того, как купить собственное жильё, арендовали они небольшую квартиру в одном из домов в другом районе. И в доме том были единственными эмигрантами. Ведь в то время появление бывших россиян было для многих коренных жителей ещё почти в диковинку. Приезжие в подавляющем большинстве случаев не вызывали неприязни, а подчас рождали в людях благосклонное к себе отношение, у некоторых – даже жалость, а у совсем немногих – и желание помочь. Таким оказался и один из их соседей по дому. Он был мужчина в возрасте, проживал с женой и частенько заглядывал к ним, принося какую-то мелочь из утвари, которая для них действительно являлась тогда не лишней. А однажды, зная, что ни Владимир, ни Галя пока не работают, сосед этот сказал, что в компании, где он служит, появилось вакантное место химика, и что он может похлопотать за Галю. Галя и Владимир сначала опешили, а затем стали рассыпаться в благодарностях. Он остановил их движением руки, улыбнулся и сказал, что рад помочь таким приятным людям и что ещё не факт, что Галю примут, но попробовать стоит. А Галя таки произвела впечатление и начала работать! Потом они переехали из той квартиры в собственную, ту, где сейчас и проживали, и продолжали перезваниваться с этим редкой доброты человеком вплоть до его совершенно неожиданной кончины, о которой сравнительно недавно сообщила его жена.

Сейчас, потеряв эту работу, Галя не находила себе места не только по причине того, что не привыкла сидеть дома. Ведь она лишилась зарплаты и зависящих от неё пенсионных и других отчислений. А найти в таком возрасте достойную работу взамен потерянной было очень даже проблематично. Правда, её взялась пристроить соседка, тоже из эмигрантов, врач-терапевт Белла, которая уже передала её документы одному из своих пациентов. Когда Галя спросила, кто это, Белла ответила коротко: «Будет хоккей».

А пациент этот был не кто иной, как Саймон! Тот самый, заместитель Коварского! Любовник Эммы. И Галя вскоре даже побывала у него на интервью. И тот как будто бы впечатлился её знаниями и опытом. Но сказал, что в связи со сложной обстановкой в компании сразу дать определённый ответ не может. Хотя и заявил, что очень хочет положительно решить этот вопрос. Галя, конечно, знала истинную цену обещаний работодателей и поэтому не очень верила в эту Беллину затею. И в своих ощущениях она была недалеко от истины! Ведь тогда уже решался вопрос о грядущих сокращениях в компании Коварского! Но ни Белла, ни Галя не могли этого знать, ибо не были близки с проживавшей в этом же доме и работавшей там Диной и представления не имели о том, что их сосед Пётр имеет отношение к Коварскому. А Галя к тому же и не столкнулась с Диной во время визита к Саймону и, естественно, не могла встретить там Петра, к тому времени уже тяжело болевшего.

Но в Гале, конечно же, теплилась какая-то наивная надежда. А как же иначе?

У Гали и Владимира – два взрослых сына. Старший, Михаил окончил медицинский факультет и начал работать в клинике. А Павел почти завершил выполнение выпускной работы по химии в университете. Какое-то время назад они, что называется, вылетели из родительского гнезда. Были не женаты, но жили отдельно от родителей на съёмных квартирах со своими девушками.

Что касается остальных близких и родственников Гали и Владимира, то родители Владимира после долгих раздумий ехать с ними отказались. Отец мотивировал это тем, что в свои шестьдесят при его слабом здоровье он окажется в эмиграции, как он выразился, за бортом жизни. В Москве же он имел профессорскую ставку в ведущем ВУЗе, был на хорошем счету, да ещё и прикреплён к престижному медицинскому учреждению. Мама Владимира, врач, поддерживала решение мужа и в силу понимания того, что эмиграционный стресс ему категорически противопоказан, и по причине её тоже хорошей устроенности. Удерживала их, конечно, и прекрасная «сталинская» квартира в центре Москвы. Они и Владимира отговаривали от этого шага, убеждая его, что эти трудные времена пройдут и жизнь наладится. И что такой карьерой и такой квартирой, как у него – а квартира была под стать родительской – не разбрасываются. И что поедут они в полную неизвестность, и что это может плохо кончиться не только для него с Галей, но и для их маленьких детей.

Галя поначалу полностью поддерживала родителей мужа и ехать отказывалась. Тому были две причины. Первая – тот самый тайный бурный роман, который она тогда переживала и который только что совершенно неожиданно-негаданно стал предметом взбудоражившего её телефонного разговора с подругой Валерией. А вторая – это болезнь её отца. Но в конце концов история с любовником закончилась, а отца подлечили благодаря связям родителей Владимира. И когда вдруг неожиданно для мужа Галя наконец-то согласилась на отъезд, за ней двинулись и её отец с матерью, которые были тоже вполне прилично устроены в той жизни, и младший брат её Юрий с женой Софьей и совсем маленькими дочерью и сыном. А вскоре после них собралась в путь и сестра Галиной мамы, тётя Мила, которая жила в Белоруссии.

За эти годы Галя потеряла здесь отца. Он умер после возвращения старой болезни, которая протекала долго и мучительно и которая, как считала Галя, обострилась по причине тоски, которую он испытывал в эмиграции. А мама её продолжала жить одна в маленькой квартире, которую они с мужем арендовали недалеко от детей.

Когда Галя с Владимиром, Галины родители и проживавший с ними в одной квартире Юрий с семьёй наконец подали в ОВИР документы на отъезд, к ним стали наведываться всякие тёмные личности. Приватизацией жилья тогда ведь ещё и не пахло. Принадлежавшие государству квартиры продать было невозможно. А эти визитёры предлагали им за каждую «хату» в среднем по тысяче долларов при условии, что они совершили бы фиктивный обмен. И не приведи господь было со всеми этими «покупателями» связаться! Даже если бы речь шла действительно о деньгах, а не о таких грошах! Поэтому, испытывая страх, они старались держаться подальше от этих типов и говорили им, что это ошибка и никуда они уезжать не собираются. Они понимали, что согласившись на подобную сделку, они подвергли бы себя серьёзной опасности. В общем, сдали они ключи в ЖЭК. И дачу в спешке обменяли на какой-то подержанный японский телевизор с крохотным экраном, который в то время был жутким дефицитом и который по приезду тут же и вышел из строя. То есть можно сказать, что фактически они почти всё бросили. И были в этом не одиноки. Так уезжали многие.

А приехав, они испытали необыкновенное облегчение оттого, что без проблем выпутались из этой леденящей душу истории с квартирами и сосредоточились на том, чтобы утвердиться в новой жизни. Поскольку Гале с Владимиром это удалось, они вскоре приобрели жильё в доме, где сейчас и проживали и где достаточно много соседей были их единоземцами, и в их числе Вера и скончавшийся её муж Пётр.

С Петром Владимир ранее знаком не был, и сошлись они уже здесь на почве какой-то общей поломки в доме. Они расположились друг к другу, ибо были личностями незаурядными и, как оказалось, имели множество общих интересов. Они иногда наведывались друг к другу. Пётр из гордости никогда не распространялся о своих проблемах, и Владимир о них и не догадывался, так как не обладал особой проницательностью. Так бывает, что талантливые в профессиональной сфере люди оказываются во многих жизненных ситуациях достаточно беспомощ-

ными и недалёковидными. Скорее всего, причина тут кроется в том, что внутренние резервы таких людей почти полностью тратятся на реализацию их творческой предопределённости.

Галя с Владимиром не сблизилась за эти годы почти ни с кем из жильцов их дома. Вот только Шурочка с одного из верхних этажей иногда бесцеремонно навещала Галю, собственно равно как и ко многим другим соседям. Да ещё и Белла, врач-терапевт, сошлась с Галей и тоже изредка заглядывала к ней. Вообще же, когда Галя с Владимиром иногда встречались в подъезде или в лифте с другими жильцами, например с Диной и её мужем Леонидом, они вежливо здоровались с ними или коротко перебрасывались ничего не значащими фразами, при этом подчас даже не зная их имён. Такое вот в наше время происходит среди соседствующей учтивой интеллигенции! Да сейчас, собственно, это уже и не имело никакого значения, так как Галя и Владимир купили строящийся коттедж и в скором времени должны были покинуть этот дом.

А квартира, в которой они сейчас проживали, была большая, со вкусом обставленная мебелью, приобретённой уже здесь, в стиле, который был принят у «аборигенов».

Конечно же, они, как и подавляющее большинство покинувших Россию в те годы массового исхода, тоже отправили багаж, потратив на это уйму сил и денег. Собственно, деньги тогда и извести-то не на что было. Приобрести можно было всё только по бешеным ценам у спекулянтов. Обменять рубли на доллары было невозможно. Так что основная проблема была отыскать блат для изготовления багажных ящиков с чудовищной переплатой.

Как правило, люди, решившиеся лишиться советского гражданства, отправляли в этих самых ящиках стандартный «джентльменский» набор вещей, которые считались совершенно необходимыми и дефицитными за границей. В Союзе же тогда миф ходил, что с собой надо тащить всё: и зубные щётки, и очки от солнца, и чуть ли не туалетную бумагу и презервативы. Не говоря уж о крупных вещах. Ведь всё это «там» было якобы жутко дорогущее. Тронуться в путь без мебели – значило спать на полу. А уж без ковров – так совсем труба. Упаковывали, конечно, и то, что объективно бросать не стоило. И не только потому, что доставалось всё это в Союзе с большим трудом. А потому, что и «там» это ценилось. Например, хорошего качества столовые сервизы, серебряные и мельхиоровые предметы сервировки стола. Конечно же, и постельное бельё было необходимо, и носильные вещи. Не разбежишься ведь на первых порах всё это приобретать. А уж о шубах и дублёнках вообще двух мнений не было. Однозначно – везти! А при этом надо было ещё и ломать голову, каким предметам отдать предпочтение. Ведь были установлены ограничения по числу багажных ящиков и по их весу. Истинные интеллигенты загружали в них книги – как самое большое достояние. И почти у каждого в багаже почётное место занимали граммофонные пластинки. А Владимир упаковал ещё и пишущие машинки – тяжеленную электрическую «Оливетти» и портативную «Эрику», которые в России интенсивно использовал в своей научной работе, хорошо владея машинописью, и которые здесь, естественно, оказались ненужными по причине повсеместной компьютеризации.

Кстати, практически сразу предприимчивые личности пооткрывали в эмиграции магазины русской книги, приносившие им в первые годы вполне приличный доход. Здесь желающие могли приобрести и книги, и пластинки, которые в Союзе можно было «достать» только по благу. Тут же и кое-какой антиквариат выставлялся.

А потом, по мере того, как эмиграционный шторм стал утихать, а старшее поколение переселившихся из Союза стало переселяться далее, в лучший из миров, эти книги и пластинки стали падать в цене. И магазины эти стали расширять свой ассортимент за счёт музыкальных компакт-дисков, китча и вообще всего того, что прибыло из Союза в тех самых многочисленных деревянных ящиках. А забегая вперёд, следует упомянуть и о том, что ещё позднее число этих торговых точек начало резко сокращаться, и наконец нередко книжное и граммофонное достояние можно было обзирать на помойках, куда их сносили за отсутствием к ним интереса и за невозможностью реализовать, отпрыски этих самых «переселившихся» стариков.

Бывало, что получатели багажа обнаруживали отсутствие в нём ряда ценных вещей. А у Гали с Владимиром ничего вот не пропало. Для Владимира же самым главным было то, что благополучно прибыли его книги по специальности.

От содержимого багажа у них со временем остались только часть постельного белья, картины, пластинки, книги и посуда. Кстати, проигрыватель для пластинок и запасные иглы к нему они приобрели уже здесь в какой-то ремонтной мастерской, хозяин которой предусмотрительно сохранил несколько экземпляров этой архаики для прибывающих из Союза. От ковров и другой советской атрибутики они постепенно освободились, и вовсе не потому, что они её стеснялись, а потому что то, что они имели возможность здесь приобрести, больше отвечало их эстетическим запросам.

Они очень жалели, что не заполнили большую часть ящиков книгами, как им перед отъездом советовали сделать бывалые люди, поездившие по миру. Ведь у них была достаточно обширная и целенаправленно собранная библиотека, скомплектовать которую в Союзе было совсем не просто.

Галя вдруг вздрогнула, встрепенулась. Ведь совсем скоро должен был вернуться с работы муж, Владимир. Ей непременно нужно было мобилизоваться, взять себя в руки, стряхнуть с себя хандру и обеспокоенность, вызванные сообщением Валерии. Она тяжело вздохнула, через не хочу поднялась, прошла в спальню, открыла гардероб и застыла перед ним. Настроения наряжаться не было, но, пересилив себя, она выбрала серую юбку-брюки, гипюровую блузку идущего ей голубого цвета, тёмно-синие замшевые туфли на средней высоты каблук и облачилась во всё это. Взглянула на себя в зеркало, поправила причёску и прошла на кухню. Она подумала о том, что хорошо вот, что Валерия позвонила до того, как она уже почти всё приготовила. Иначе, после всего, что она слышала, у неё просто не оказалось бы сил заниматься этим. А она по случаю Жемчужной свадьбы наготовила сюрпризом для мужа всякого вкусного. Любимое его блюдо, жаркое, уже ждало отправки в духовку, салаты нарезаны, пирог испечён. Галя решила преподнести мужу ещё и холодец. И он уже был в холодильнике. А холодец у Гали был фирменный. Фирменность же заключалась в том, что она неукоснительно следовала принципам, считавшимся основополагающими у её бабушки и мамы. Ни в коем случае не допускалось использование желатина. В ход шли только говяжьи ножки, всегда тщательно и придирчиво выбиравшиеся на рынке. Бульон после их вываривания тщательно фильтровался. Мясо от ног не использовалось, так что в холодец никогда не попадались куски кожи с волосками. Бульон заполнялся дорогим говяжьим варёным мясом, которое разрывалось на волокнистые кусочки вручную. У всех их родственников холодец был всегда жилистый, с ошмётками этой самой волосистой кожи, так что Владимир не то чтобы есть – смотреть на него не мог.

Галя проверила, застыл ли холодец, и собралась достать из холодильника и поместить в духовку заготовку для жаркого, но в этот момент зазвонил телефон. Она вздрогнула, на ватных ногах приблизилась к аппарату и какое-то время смотрела на него, не решаясь ответить на звонок, ибо предположила, что это может быть он... Наконец неуверенно подняла трубку и тихо напряжённо произнесла:

– Алло.

Услышав голос матери, она с облегчением выдохнула:

– Да, мамочка, здравствуй. Спасибо тебе, дорогая. Спасибо, спасибо. Да, тридцать лет! Страшно подумать! Я ведь наше бракосочетание помню в деталях, как будто бы это было вчера. Как я себя чувствую? Уже лучше. Да, говорят, сейчас такой коварный вирус. Не нравится моё настроение? Мамочка, ну какое может быть настроение у человека, потерявшего работу? Только я тебя ещё раз прошу, не говори об этом никому, а особенно тёте Миле. Что-о? Она уже интересовалась, работаю ли я? Ну и чутьё! Что-что? Спросила, работает ли Вова? Господи, постеснялась бы. Что, пыталась тебя, не жалеет ли мы, что уехали из Союза? Надо же, столько лет прошло, а ей всё неймётся. Что-что?

Тут раздался почти неслышимый, осторожный стук в дверь.

– Мамочка, – прервала разговор Галя, – кто-то идёт ко мне. По-моему, это Зина, племянница нашей соседки с верхнего этажа. Ну я же тебе говорила, это та, что иногда приходит ко мне убираться. Обычно она так скребётся. Целую тебя. Я позвоню позже.

Галя задвинула ногой коробку с архивом ещё дальше за кресло, так, чтобы она совсем не бросалась в глаза, и пошла открывать. При этом, будучи почти полностью уверенной, что это Зина, она всё же не могла отогнать от себя мучившую её мысль – а вдруг он?..

А на пороге действительно была Зина.

Женщина она была простая чрезвычайно. Совсем молодая – лет тридцати. Приехала с мужем Вадимом из какой-то российской глубинки уже после распада Советского Союза. Была довольно смазлива, но на лице её лежала печать провинциальности. Она и её тётя, Алла, жившая в этом же доме интеллигентная женщина, были совершенными антиподами. Как говорится, день и ночь. Можно даже было сказать, что между ними пролегла интеллектуальная пропасть. Потом уже выяснилось, что Зина была дочерью не родной, а двоюродной сестры Аллы.

Войдя, Зина потупила глаза и проямлила:

– Здравсьте, Галь. Можно к вам?

Галя скользнула взглядом по растрёпанным волосам, небрежно накрашенному лицу, скромному платицу и стоптанным туфлям пришедшей и сухо, соответственно своему настроению, сказала:

– Здравствуй, Зиночка. Проходи.

Та бочком-бочком, явно смущаясь, прошла в гостиную и остановилась. Галя усадила её на диван, а сама пристроилась за столом.

– Я вот к тётке Алле наведальсь, день рождения у неё сегодня, – смущаясь, сообщила Зина.

– Передай ей от меня поздравления, – думая о своём, вымученно улыбнулась Галя. – А она что, отмечать будет? Много гостей соберётся?

– Да нет, никого она не приглашала, я уж так к ней пришла, помочь. Она там с этой, с Асей, ну с которой её старший сын, Костя, живёт. А его самого нету, на работе, вот они его и ждут. А тётя Алла говорит, что хвораете вы. Чё это с вами? – осмелев, затараторила Зина.

– Вирус со мной. Уже несколько дней не разлучаемся, – вскинула на неё глаза Галя.

– Да где же это вы его подцепили? – по-простецки засокрушалась девушка.

– У зубного врача. Приглянулась я ему.

– Кому? Врачу? – округлились глаза у Зины.

– Не врачу, а вирусу. Нет, чтобы кому стоящему, – даже не улыбнулась Галя.

– Ой, уж чё вы такое говорите-то? – сконфузилась гостья.

– Такой у вас муж хороший. Очень он мне нравится!

– У нас с тобой отменный вкус, – раздираемая своими мыслями, безучастно произнесла Галя.

– Ой, юморная вы какая! – хихикнула Зина. – Да я же не то имела в виду, что он вам не нравится.

– Я поняла – ты имела в виду, что он тебе нравится.

Зина смущённо захлопала глазами:

– Ну, я же и говорю, что вы юморная, всё шутите да шутите. И чё же это к вам вирус прицепился?

– Дошутилась, – хмуро буркнула Галя.

Она отвечала Зине совершенно автоматически, судорожно перебирая в голове все возможные варианты развития свалившейся на неё ситуации. А девушка чувствовала себя всё более уверенно, радуясь тому, что с ней ведут диалог на равных. Она раскраснелась и хохотнула:

– Хи-хи... И чё это у зубных зараза такая?

– Так там же рты раскрывают, – глядя в сторону и всё более мрачняя от собственных тяжёлых мыслей, уныло проронила Галя.

Тут Зина замолкла и растерянно уставилась на свою собеседницу, почувствовав что-то необычное в её реакциях. А Галя сжимала ладонью край стола и судорожно постукивала по нему пальцами. Почувствовав паузу, она остановила это нервное клцание, усилием воли уняла одолевавшее её беспокойство и чуть улыбнулась Зине. А та в ответ выпалила:

– Ну, тогда самая зараза у вас тут внизу на лавке. Рты у них не закрываются. Мозолят языки. Всё про всех знают.

Галя, с удивлением уразумев, что аллегория в замечании о раскрывании ртов понята, усмехнулась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.